

Тарас Дрозд

БИНОМ БЕССМЫСЛЕННОСТИ

Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

БАРИНОВ Александр Прокофьевич.
МАРИНА, его дочь.
АЛЬБИНА ПАВЛОВНА.
КРИНИЦЫН Геннадий.
КОМАРОВ Николай, его друг.
ОЛЬХОВСКИЙ Олег Олегович.
ЕРНИЧЕВ Виктор.
НАТАЛИ.

Место действия — летний пансионат.

На сцене терраса под навесом, на которой дверь, вход в здание, а также столы, стулья, табуреты и буфет с посудой. Лестница слева ведет с террасы в лес и на выезд, лестница справа ведет к озеру, расположенному где-то напротив террасы, и к экзотической беседке на авансцене. Клумбы, цветочные вазоны, кусты, а также парочка невысоких тумб с белыми матовыми шарами — ночные фонари.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Трели соловья. Вечер.

По дорожке слева к террасе идут БАРИНОВ и ОЛЬХОВСКИЙ с чемоданом.

БАРИНОВ. Место, обратите внимание, место какое. Отдых здесь — чудо. Пяти дней покажется мало. Уверяю.

ОЛЬХОВСКИЙ. Там озеро? Впечатляет. Как будто оттуда идет зов.

БАРИНОВ. А соловьи здесь!.. Ну просто Моцарты.

ОЛЬХОВСКИЙ. Договор прежний? Мы с вами незнакомы?

БАРИНОВ. Встретились, когда вы подъехали на своем "опеле".

А лучше сказать правду. Дело-то не в этом.

ОЛЬХОВСКИЙ. Каково состояние на сегодняшний день?

БАРИНОВ. Сказку про царевну Несмеяну помните? Аналогичная ситуация. Потерял вкус к жизни. Интерес.

ОЛЬХОВСКИЙ. Поиск интереса — процесс постоянный. Такова уж наша ментальность.

БАРИНОВ. Наша задача ментальность свести к моментальности. Было и прошло.

ОЛЬХОВСКИЙ. Что прошло? Интерес? Или поиск?

На террасе их встречает АЛЬБИНА ПАВЛОВНА.

БАРИНОВ. Вот, Альбина Павловна, еще один ваш клиент. Олег Олегович.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Здравствуйте. Ключ от вашего номера. Располагайтесь на здоровье. *(Подает ключ.)*

БАРИНОВ. Все ожидаемые гости заехали?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Да вроде бы. Народу немного. Начало сезона.

ОЛЬХОВСКИЙ *(взяв ключ)*. Спасибо. Ужин во сколько? Я не прочь подкрепиться.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Закуски могу хоть сейчас. Где будете ужинать, Прокофьевич? Здесь или в столовой?

БАРИНОВ. Я как все.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. А все как вы. Как старший скажет.

ОЛЬХОВСКИЙ. А я не прочь здесь. Такой пленэр.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Располагайтесь пока что.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА уходит.

ОЛЬХОВСКИЙ. Такое впечатление, что она вас хорошо знает.

БАРИНОВ. Я здесь не в первый раз. Но кокетничала она с вами.

ОЛЬХОВСКИЙ. Это, я думаю, чисто профессиональное.

БАРИНОВ. А вот и объект моей печали.

ОЛЬХОВСКИЙ. Пожалуйста, не говорите кто я. Просто отдыхающий.

БАРИНОВ. Не скромничайте. Ну да ладно.

По дорожке справа к террасе подходят МАРИНА и КОМАРОВ.

КОМАРОВ. Здесь все похоже на декорации. Атмосфера ушедшего времени.

МАРИНА (*поднимаясь на террасу*). Папа, познакомься. Молодой человек наш попутчик по отдыху.

КОМАРОВ. Здравствуйте. Николай. Комаров.

БАРИНОВ. И ты познакомься. Мой коллега из преподавательского состава гуманитарного университета.

ОЛЬХОВСКИЙ. Ольховский.

МАРИНА. Припоминаю. Вы — астролог. Или экстрасенс, да? Папа рассказывал. (*Весело.*) Если ты скажешь, что вы здесь встретились случайно, то я поверю.

БАРИНОВ. Нет, конечно. Олег Олегович был в курсе. Я всячески расписывал место нашего отдыха. Провоцировал присоединиться.

ОЛЬХОВСКИЙ. И я не жалею, что поддался на уговоры. Скорее он экстрасенс, чем я. Извините, мне еще нужно расположиться.

КОМАРОВ (*озабоченно*). Мне тоже нужно кое-что проверить. Кое-что.

КОМАРОВ быстро уходит в дверь первым, за ним неспеша уходит ОЛЬХОВСКИЙ.

БАРИНОВ. Ну, как тебе здесь? Ответь, пожалуйста, без закидонов.

МАРИНА. Пока что нравится. Не знаю, надолго ли.

Появляется АЛЬБИНА ПАВЛОВНА с подносом.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Пожалуйста, Прокофьевич. Хватит столько?

БАРИНОВ. Спасибо, Альбина Павловна.

МАРИНА. Я как-то сразу догадалась, что вы давно знакомы.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Прокофьевич у нас появился в самый первый сезон. Когда пансионат только открылся. Тогда мы его звали "доцент".

МАРИНА. Ну, сейчас ему больше подходит звание "профессор". Так вот куда мой папочка убежал от городской повседневности.

БАРИНОВ. Надеюсь, ты меня понимаешь?

МАРИНА. Даже очень. О, там еще не была.

МАРИНА спускается по лестнице слева и уходит по дорожке, ведущей в лес.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Больше ничего не надо?

БАРИНОВ. Спасибо, достаточно.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА (*игриво*). Ну, смотри.

БАРИНОВ. Альбина, прошу тебя. Я с дочерью.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Отдыхайте. Я все понимаю.

*АЛЬБИНА ПАВЛОВНА уходит, игриво напевая
«Отцвели уж давно...»
Входит ОЛЬХОВСКИЙ.*

ОЛЬХОВСКИЙ. Неплохо, неплохо. Хотя, признаться, отдыхать не люблю. Бездействие наносит нервной системе куда больший вред, чем деятельность до переутомления. Почему вы решили объявить, что мы знакомы? *(Небольшая пауза.)* А вы уверены, что мое содействие необходимо? Посмотрите. По-моему, здесь ей не будет скучно.

БАРИНОВ. У нее и в городе достаточно друзей. Однако она постоянно задает вопросы, от которых становится жутко. В десять лет она спросила. Папа, а для чего люди живут?

По дорожке слева к террасе выходят МАРИНА, ЕРНИЧЕВ и НАТАЛИ.

МАРИНА *(поднявшись по лестнице)*. Пожалуйста. Еще одни пассажиры нашего корабля.

ЕРНИЧЕВ. Здравствуйте. Виктор Ерничев.

БАРИНОВ. Очень приятно.

ОЛЬХОВСКИЙ. Олег Ольховский.

ЕРНИЧЕВ. Это — Натали. Моя подруга, так сказать. Вернее, друг.

НАТАЛИ. Ерничев, перестань. Что ты как этот?

Появляется КОМАРОВ.

БАРИНОВ. Замечательно. Предлагаю познакомиться поближе за столом. Я сейчас все организую. *(Комарову.)* Вы чем-то расстроены?

КОМАРОВ. Нет, все в порядке. Да, все в порядке.

БАРИНОВ уходит.

МАРИНА. Может быть, столы поставить как-то поудобней?

КОМАРОВ. Сюда?

ОЛЬХОВСКИЙ. Лучше сюда.

НАТАЛИ *(Марине)*. Мне Ерничев предложил. Неожиданно так. Есть возможность развеяться. Я так удивилась. Чего это он? Ладно, поехали. Я работаю в коммерческой структуре. Продаем всякую мишуру на праздники. Шары, флажки, майки, сувениры. Дребедень всякую. А там, у воды, вы нам нисколько не помешали. Это у нас шутки такие.

МАРИНА *(удивленно)*. Да я как-то...

ЕРНИЧЕВ. Натали, мы еще беседку не обследовали. Пойдем. *(Уводит Натали с террасы. Говорит вполголоса.)* Папа этой девушки, который ушел... И есть Баринов. Баринов Александр Прокофьевич. Ты обратила внимание, как он на тебя посмотрел?

НАТАЛИ. А ты хочешь приударить за дочкой? Я правильно поняла?

ЕРНИЧЕВ. Можешь называть его "профессор". И пожалуйста... Следи за языком. Не болтай лишнего. *(Возвращается. Громко.)* Великолепно здесь, замечательно. Есть где уединиться и поработать.

ОЛЬХОВСКИЙ. Какого рода деятельностью занимаетесь?

ЕРНИЧЕВ. Я литератор. Как беллетрист сочиняю рассказы. Как журналист пишу статьи. Хочется, чтобы любимое занятие кормило. Но не все складывается так, как нам хочется.

НАТАЛИ. Что б ты без меня делал?

ЕРНИЧЕВ. В одном издательстве подрабатываю редактором. Выпускают они бульварщину, но это дает немного средств. Поэтому не считаю зазорным вычитывать рукописи, где чернуха с порнухой.

*Входит АЛЬБИНА ПАВЛОВНА еще с большим подносом.
За ней БАРИНОВ с огромной бутылью вина.*

БАРИНОВ. Спасибо, Альбина Павловна. *(Всем.)* Поговорим при свете грешного вина!

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА, накрыв стол, некоторое время ожидает, затем уходит.

МАРИНА. Папа, мне показалось, что хозяйку не мешало бы пригласить.

БАРИНОВ. Тебе показалось. *(Откупоривает бутылку, разливает вино.)*

МАРИНА. Неплохо мы молчим для первого знакомства. *(Глядя вверх.)*

Пить чай, отчаянно молча о личный чайнях!..

ЕРНИЧЕВ. О, да вы поэт?

БАРИНОВ. Ни в коем случае. Писать для себя — это дело каждого. Рифмовать свои мысли — это самообразование, тренинг. Но нести свои строки другим, навязываться, тщеславно заявляя, что я поэт, ожидая похвалы, восхищения... Заискивающе смотреть в глаза... Нет, увольте. Я запретил. Надо же понимать, что тем людям, чье мнение тебя интересует, им же неловко.

ЕРНИЧЕВ. Ну, а проза? Как вы определяете положение тех, кто пишет прозу?

БАРИНОВ. Вопрос не без ехидства. Литература лучшая из забав, чтобы дурачить людей. Это цитата. Писатель крапает объемы для получения соответствующих сумм. Вот и весь смысл.

МАРИНА. Но ведь это не только скучно, но и... *(Ее передергивает.)*

БАРИНОВ. А поэт обречен на гордое одиночество. Даже сказав последнее слово, он тут же, непроизвольно, подбирает к нему рифму. Взгляд поэта безграничен. Он сжат только правилами грамматики. Но не суммой. Как только называется цена в земных цифрах, так сразу же слова теряют свою небесность. Предлагаю следующее. Каждый, перед тем, как выпить, говорит первое, что на ум придет. Тост, анекдот, что-то о себе. Это и будет представление себя в процессе знакомства. Общий портрет. Либо часть. Которая бывает сильнее целого.

МАРИНА. Когда смысл измеряют деньгами, мне становится противно. Время деньгами не измерить. Это лишь говорится, что время — деньги. Любая сумма во времени относительна. Она может быть заработана за час или за месяц. И потрачена в одну секунду.

ОЛЬХОВСКИЙ. Будущее каждого предсказано. Все мы под звездами ходим. Напишите, пожалуйста, Марина, дату вашего рождения. Я предскажу, что вас ожидает в ближайшее время.

МАРИНА. Папа, напиши.

БАРИНОВ. Обратились к тебе, а не ко мне.

МАРИНА. Мне кажется, что дата моего рождения уже известна господину астрологу.

БАРИНОВ. Ошибаешься. Ты просто не хочешь знать, что тебя ожидает. *(Берет листок, пишет.)* Пожалуйста, я напишу свою дату.

НАТАЛИ. Предскажите мне. Можно, я напишу?

ЕРНИЧЕВ. Натали!..

НАТАЛИ. А что такого? Ой, да ладно. Вот я попрошу, чтоб тебе предсказали.

ОЛЬХОВСКИЙ. Я уделю внимание каждому.

ЕРНИЧЕВ. Сколько вы берете?

ОЛЬХОВСКИЙ *(чертя на листке)*. Нисколько.

ЕРНИЧЕВ. А в городе?

БАРИНОВ. Лучше расскажите что-нибудь о себе, Виктор.

ЕРНИЧЕВ. Прозвучали цитаты. Приведу свою любимую. Если над современным миром не смеяться, то впору застрелиться. *(Пьет.)*

КОМАРОВ. Я актер. Академического театра драмы. Первым моим спектаклем, где дали большую роль, была на шумевшая комедия "Путешествие туда и обратно". Вот уж где все, буквально все, было подвержено иронии и сарказму.

ЕРНИЧЕВ. Занятная штучка. Я смотрел.

НАТАЛИ. А я даже не слышала.

ЕРНИЧЕВ. Ну, тебе-то зачем.

НАТАЛИ. Ой, да ладно. А почему ты меня не пригласил? *(Пьет.)*

КОМАРОВ. Публика принимала хорошо. Хохот стоял гомерический. Но я вдруг после каждого спектакля начал чувствовать опустошение. Чем дальше, тем больше. Ходил как макет из фанеры. Ничего не понимал. И ощутил вдруг страшное. Я не хочу выходить на сцену. Не хочу играть. Каждый спектакль — как на каторгу. А если актеру надоело играть, если он потерял кураж, то это все, гасите канделябры. Тут, слава Богу, начали репетировать новый материал. Из жизни апостолов. По мотивам деяний. Мне дали роль молодого Иоанна Богослова. И я с головой ушел в христианскую литературу.

МАРИНА. Папа, ты у них читал лекции о религии?

БАРИНОВ. Где я только не читал.

КОМАРОВ. И я понял, что без веры играть нельзя. Даже футболист, перед тем, как выйти на поле, обязательно перекрестится. И у меня вдруг начало получаться. Я даже ощутил небывалое вдохновение.

Из двери появляется КРИНИЦЫН.

ЕРНИЧЕВ. Ты что-нибудь скажешь?

НАТАЛИ. Я? Обычно тосты говорят мужчины. Вон еще один.

КОМАРОВ *(с досадой)*. Черт возьми!.. *(Следит за Криницыным.)*

ОЛЬХОВСКИЙ *(глядя в листок)*. Так, ну что тут можно сказать?.. Преобладание большого чувства. Либо сознательная целенаправленная деятельность... Возможно легкое увлечение... Как-то не совсем вяжется с большим чувством... Настойчивый характер... Возможно, на вас свалятся деньги.

БАРИНОВ. Деньги? Здесь? С какого дерева? *(Криницыну.)* Вы тоже хотите представиться, незнакомый посетитель? Он с кем-то приехал?

КОМАРОВ. Со мной.

БАРИНОВ. Может быть, тост желаете произнести?

КРИНИЦЫН *(подойдя к столу)*. Легко!.. *(Забирает стакан с вином у Комарова.)* Все дерьмо, кроме мочи... Да и моча в последнее время такое дерьмо!.. *(Выпивает.)*

КОМАРОВ. Скотина... Извините, мой приятель немного того... *(Грубо берет Криницына под руку.)* Пойдем!..

КРИНИЦЫН. Я только хотел познакомиться... Чего ты, Комар?..

КОМАРОВ уводит КРИНИЦЫНА.

БАРИНОВ (*натянута рассмеявшись*). Своеобразный экземпляр.

ЕРНИЧЕВ. От жлобов нет спасения даже в лесу.

ОЛЬХОВСКИЙ. Он просто пьян. К больным людям нужно относиться снисходительно.

МАРИНА. Какие у нас благородные мужчины.

БАРИНОВ. Может быть, лучше прогуляемся? А, вы как, Наташа?

ЕРНИЧЕВ. Иди. Чего ты?

МАРИНА (*вставая*). Я буду в номере.

БАРИНОВ. Доченька... Ты на что-то обиделась?

МАРИНА. Мне нужно занести в компьютер одну мысль.

МАРИНА уходит.

Появляется АЛЬБИНА ПАВЛОВНА.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Что-то не так?

БАРИНОВ. Альбина, не мешай.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Ах, я еще и мешаю?..

БАРИНОВ спешит за дочерью.

ЕРНИЧЕВ. Вот и познакомились.

ОЛЬХОВСКИЙ. А я все-таки поужинаю. (*Начинает есть.*)

Затемнение.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Поздний вечер. Звучит соловьиный концерт.

На освещенную террасу выходит БАРИНОВ. Всматривается, вслушивается, уходит в здание.

Выходит МАРИНА, в руках ноутбук, раскрывает его на балюстраде. По дорожке от озера идут ЕРНИЧЕВ и НАТАЛИ.

ЕРНИЧЕВ. Местность изучена, можно ехать домой. (*Поднимается на террасу.*) Какая у вас шикарная пудреница.

МАРИНА. Пытаюсь занести в память моего "бэби" первый концерт соловьев без Чайковского.

ЕРНИЧЕВ. Как же вы будете прослушивать, если удастся все-таки записать? Динамика-то нет.

МАРИНА. Слышно будет только мне одной. Пойду к озеру.

ЕРНИЧЕВ. Второе отделение концерта будет там?

МАРИНА. У меня билет в партер.

МАРИНА уходит по дорожке к озеру.

НАТАЛИ. Ну беги же за ней, беги. Чего ты?

ЕРНИЧЕВ. Хорошо, давай расставим точки над "и". Я намекал, намекал, но ты не понимаешь. Теперь скажу открытым текстом. Натали, обрати, пожалуйста, внимание на ее папочку.

НАТАЛИ. Да всё я поняла. Я должна отвлечь его внимание? Ты ради этого привез меня сюда?

ЕРНИЧЕВ. Если бы я объяснил твою задачу перед отъездом, ты бы, чего доброго, не поехала.

НАТАЛИ. Ерничев!.. Какого ты хорошего мнения обо мне. Я бы не поехала? Ты наивный, или прикидываешься?

ЕРНИЧЕВ. Ты же любишь приключения. Подыграй ему. Позволь поухаживать. Я о тебе самого здорового мнения. Сколько раз ты начинала флиртовать прямо на моих глазах. Переспала с двумя моими друзьями. Я же — ничего.

НАТАЛИ. Ни с кем я не спала. Твои друзья — сволочи.

ЕРНИЧЕВ. Согласен. Мы уважаем свободу друг друга?

НАТАЛИ. Ты для этого меня и привез? А я-то дура понять не могла. Ерничев приглашает меня на недельный отдых да еще и бесплатно!.. Что случилось? Но поселил меня почему-то в отдельном номере.

ЕРНИЧЕВ. Потому что мне нужно работать!.. Работать, понимаешь?

НАТАЛИ. Потому что папа с дочерью живут в двухместном номере. Вот почему. Я сегодня должна приступать к своим обязанностям?

ЕРНИЧЕВ. Не ори. Только не ори.

НАТАЛИ. Стоп! Нет, Ерничев, сейчас ты за ней не пойдешь. Ты совсем обнаглел? Сначала в моем номере побываешь ты.

ЕРНИЧЕВ. Натали, умоляю!..

НАТАЛИ. Ну ты и сволочь. Хорошо, иди. Иди, догоняй. Шуруй отсюда, пока я тебя с лестницы не спустила.

ЕРНИЧЕВ. Ладно. Пошли к тебе. Ехал я с тобой, и хотел быть с тобой, но...

НАТАЛИ. Иди за ней. Я тебя не держу.

ЕРНИЧЕВ. Я, как и ты, увлекающаяся натура. Пошли. Эту ночь проведем вместе. У меня с собой литр, шпроты, лимончик. Пошли. Только очень прошу. Ни одна живая душа не должна услышать.

НАТАЛИ. Вот только трогать меня не надо.

ЕРНИЧЕВ. А завтра будет то, что будет, как сказал поэт.

Появляется БАРИНОВ.

БАРИНОВ. Ну, наконец-то хоть кто-то объявился. Ни души. Куда все запропастились? Предлагаю вечернюю прогулку. Там, на берегу озера я знаю очаровательное местечко. Как вы, Наташа?

ЕРНИЧЕВ. Она с радостью. А я — нет. Мне над корректурой посидеть надо. Набрал кучу работы. Если оставлю на потом, то все.

НАТАЛИ. Спасибо, но я уже как-то нагулялась. С ног валюсь. Давайте завтра? Для первого вечера слишком много впечатлений.

БАРИНОВ. Ну, завтра, так завтра. Пройдусь один. *(Спускается с террасы.)*

НАТАЛИ *(громким шепотом)*. Я тебя сейчас задушу!..

ЕРНИЧЕВ. и НАТАЛИ. уходят.

БАРИНОВ возвращается на террасу.

Выходит АЛЬБИНА ПАВЛОВНА.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Ну, пошли хоть на кухне посидим. У меня там коньячок, все дела. Ну, ты хоть как-то этого того?..

БАРИНОВ. Подожди, Альбина. Я знаю, что у тебя все есть... Я жду дочку. Не смогу никуда отлучиться, пока она не вернется. Она ушла к озеру.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Да что здесь может с ней случиться? Она что, маленькая девочка? Объясни ты мне хоть что-нибудь, Прокофьевич.

БАРИНОВ. Месяц назад моя дочь пыталась покончить с жизнью. По чистой случайности в тот вечер к ней заехала ее мать. Фатальный случай. Навещала ее раз в месяц, а тут именно в нужный час. Материнский инстинкт. Конечно, во всем оказался виноватым я. Это я снял ей отдельную квартиру, я оставил ребенка без присмотра... Ну и так далее.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Ничего себе, ребенок. А что с ней? Несчастливая любовь?

БАРИНОВ. Нет.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Изнасиловали?

БАРИНОВ. Нет.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Наркотики?

БАРИНОВ. Нет.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Запуталась?

БАРИНОВ. Нет.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Понятно. И ты решил подлечить ее свежим воздухом? А эти? Твои гости? Они кто?

БАРИНОВ. Да, полечить ее воздухом, лесом, озером, трелями соловьев. Я хочу, чтобы с ней здесь хоть что-нибудь случилось. Как когда-то со мной. Не обижайся, Альбина. Мы еще посидим и поговорим. Мы же приехали на пять дней.

БАРИНОВ уходит.

Трели соловьев звучат громче.

Затемнение.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Щебет птиц. Утро.

БАРИНОВ один.

Появляется КРИНИЦЫН.

КРИНИЦЫН. Здравствуйте. Вы не могли бы дать мне немного денег?

БАРИНОВ. Неплохо для первого знакомства. Знаете, деньги портят человека.

КРИНИЦЫН. Ах да, я и забыл. Вчера вам обещали, что они на вас свалятся. Еще не свалились?

БАРИНОВ. Зачем вам деньги? Здесь все есть.

КРИНИЦЫН. И за вином можно ходить, как за грибами?

БАРИНОВ (*достает из буфета вино и стакан*). Судя по вашему виду, ночью не спалось? Тост произносить не надо.

КРИНИЦЫН. Я хотел за вашу доброту... Ну что ж... (*Вздыхнув, выпивает.*) Да, знаете ли, ночью не спалось. Кто-то всю ночь любовью занимался, как умалишенный. Или мне показалось? Со своей подружкой приехал только этот, как его, литератор? Эти писатели такие циники.

БАРИНОВ. А вы не циник? Давно пьете?

КРИНИЦЫН. Да нет, ну что вы. Неделю.

БАРИНОВ. У вас абсолютно никакого уважения к окружающим. Интересно, а каково же у вас отношение к самому себе?

КРИНИЦЫН. Я живу. Разве это не мужество?

БАРИНОВ. Давайте сыграем в шашки? *(Достает из буфета доску.)*

КРИНИЦЫН. Надо вспомнить ходы. *(Наливает еще.)*

БАРИНОВ. Их привез сюда очень смешной человек. Он говорил, что в этой довольно примитивной игре есть скрытый смысл. Играя, мы убиваем время. А время враг всего живого. Я привел ему одну цитату. И он тут же с юмором отказался от этой доски. Убивая время, сказал я, мы превращаемся в палачей собственной судьбы.

КРИНИЦЫН. Да, в этой игре нет смысла. Зачем нам становиться противниками, если в главном вопросе мы едины. В том, что мы всего лишь рабы неизбежности. Давайте лучше в поддавки. Это веселей.

БАРИНОВ *(не сразу)*. Все ваше вот это, мягко выражаясь, отрицание, это всего лишь поза. Причем не оригинальная. Было и не раз. Застольная компания, как круг единомышленников... Братская приобщенность к общим мыслям и чувствам... Бдение на кухнях до утра... Да, это замечательные ритуалы, пока не начинаешь ощущать, что они не имеют конечной цели. стакан, как жертвенник дружбы, хорош, он веселит, дает ощущение свободы, но долго находиться в этом храме вредно для здоровья. Одухотворенная выпивка приводит к мрачному алкоголизму. Этот стиль напрочь отвергает вопрос "зачем".

КРИНИЦЫН. Все стили корректирует один ответ. Пройдет и это. Ну так что, играем? Шашки, или поддавки? Функции одинаковы. Но при одних условиях тот, кто больше съел, выигрывает, а при других — проигрывает. А функции одни и те же. Двигаться вперед.

БАРИНОВ. И никаких отличий?

КРИНИЦЫН. Та и другая игра заканчиваются.

БАРИНОВ. Можете налить еще.

КРИНИЦЫН. Теперь я просто вынужден поднять за вашу щедрость.

На дорожке к озеру появляются МАРИНА с портативным компьютером, за ней КОМАРОВ, ОЛЬХОВСКИЙ и ЕРНИЧЕВ. Идут к беседке.

КОМАРОВ. Без веры нельзя. Или вера в Бога, или вера в идеалы. Такая вера бесконечна. А поклонение кумирам имеет конец. И чаще всего финал трагикомический.

ЕРНИЧЕВ. Деньги сделали человека крепостным. Технический прогресс превратил в раба. Рыночные отношения повесили на каждом ценник. А настоящей свободы нет.

ОЛЬХОВСКИЙ. Техника особенно враждебна человеку. Она отрывает от земли, от тепла, от естественных энергий. Она совершенно не оставляет времени на духовное развитие. На самопознание.

МАРИНА. Спойте мне акварели... Как цветы беленели!..

Пауза.

К ним спешит БАРИНОВ.

БАРИНОВ. Вы, конечно же, встретились совершенно случайно.

МАРИНА. Я вышла к озеру, чтобы загнать в компьютер буйство здешней красоты. Реальность перевести в виртуальность. Вдруг они. Один за другим. Я предложила искупаться. Всем вместе. Голенькими. Они хором ответили, что здесь не Древняя Греция.

ЕРНИЧЕВ. В такой воде нужно купаться в варежках.

КОМАРОВ. А я не захватил с собой ласты.

БАРИНОВ. Поднимайтесь, господа, к столу. Марина, на секундочку...
(*Оставшись с дочерью наедине.*) Я очень тебя прошу. С этими парнями развлекайся, общайся, веселись... Но к тому типу... Вон сидит. Который вчера нахамил... К нему даже близко не подходи.

МАРИНА. Почему?

БАРИНОВ. Ради меня.

МАРИНА. Хорошо, папа.

На террасе появляется НАТАЛИ.

НАТАЛИ. Ерничев, где ты ходишь? Не мог разбудить?

ЕРНИЧЕВ. Ну я-то тебе зачем на таком свежем воздухе?

НАТАЛИ. Хорошо. Я запомнила.

БАРИНОВ (*поднимаясь на террасу*). Наташа, сердиться вам не к лицу. У вас такая замечательная улыбка. Дарите нам только ее. Сейчас подадут завтрак.

КРИНИЦЫН. И все мы станем на полкило добрей.

КОМАРОВ (*подойдя к Криницыну*). Ты опять? Я вчерашний конфуз ещё не замаял, а ты... Будет лучше, если ты на некоторое время...

Появляется АЛЬБИНА ПАВЛОВНА.

КРИНИЦЫН (*тяжело вставая*). Я не милиционер. Мне дважды повторять не надо. (*Проходя мимо Альбины Павловны.*) Завтрак в постель, пожалуйста.

КРИНИЦЫН уходит.

БАРИНОВ. Коля, ну что это такое?

КОМАРОВ. Убью ублюдка.

КОМАРОВ уходит за своим другом.

МАРИНА. Доброе утро, Альбина Павловна.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Доброе. Вот ключи от кухни. Там все найдете. А я поехала в город.

БАРИНОВ. Альбина Павловна, какие-то проблемы?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Мне нужно в город. В наше бюро. Узнать, сколько путевок распродано, на какое время. Когда будет первый заезд.

ЕРНИЧЕВ. А мы разве не первый?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Вы тут без меня хорошо разберетесь.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА быстро уходит.

МАРИНА. Поговори с ней. Ну, проводи хотя бы.

ЕРНИЧЕВ. Типичный конфликт между обслуживающим персоналом и клиентами.

НАТАЛИ. Тоже мне, клиент.

МАРИНА. Догони ее, папа!..

ОЛЬХОВСКИЙ. Здесь не социальный конфликт, а психологический. Только что у хозяйки все было чисто и упорядочено. И вдруг шум, гам, всю ночь хождения.

НАТАЛИ. Ерничев, ты чем занимался ночью? Не мог закончить рукопись?

ЕРНИЧЕВ. Это ведь ее обязанности, если разобраться. Странно.

НАТАЛИ. Нахамила и ушла. В первый раз с этим сталкиваетесь?

БАРИНОВ. Вы правы, Натали. Вы ближе всех к истине. Ты куда, Марина? Тебя что-то обидело?

МАРИНА. Положу своего "бэби" в постельку!

МАРИНА уходит. БАРИНОВ спешит за ней.

НАТАЛИ. Что он носитя со своей дочерью, как этот?

ОЛЬХОВСКИЙ. На то есть причины.

НАТАЛИ. У меня тоже есть причины. Ерничев, я не желаю делать то, о чем ты меня просил.

ОЛЬХОВСКИЙ тактично уходит.

ЕРНИЧЕВ. Ну почему? Ну что ты начинаешь?..

НАТАЛИ. Ты настаиваешь на своей просьбе после сегодняшней ночи?

ЕРНИЧЕВ. Да сколько их у нас было, этих ночей? Натали, ну ты же видишь, что профессор готов стать перед тобою на колени. Где твоя безграничная доброта? Где твои принципы гуманизма?

НАТАЛИ. Ох, Ерничев, ну ты и сволочь.

Затемнение.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Полдень. В беседке просыпается КРИНИЦЫН.

С террасы к нему спешит ЕРНИЧЕВ.

ЕРНИЧЕВ. Привет. Ну как ты? Оклиматизировался? Виктор.

КРИНИЦЫН. Гешка.

ЕРНИЧЕВ. Выручить можешь?

КРИНИЦЫН. Всем, кроме денег.

ЕРНИЧЕВ. Я приехал не один. Ты видел. Зовут ее Натали. Мы с ней друзья. Я привез ее сюда с определенной целью, но она вдруг... Что там у нее в голове — понять трудно. Но она от меня ни на шаг. А это уже ломает мои планы. Ее нужно отвлечь. Тебе самому будет интересно. Она сейчас выйдет. Сможешь?

КРИНИЦЫН. Выпить любит?

ЕРНИЧЕВ. На эту тему вы найдете общий язык. Деньги у нее водятся.

КРИНИЦЫН. Очень положительная черта характера. В наше время быть просто хорошим человеком — это еще не достоинство.

ЕРНИЧЕВ. Она без комплексов. Никогда не выводит закономерностей. Ей трижды не повезет, но она не придет к выводу, что сегодня не следует заниматься делами. А ты сам кто? Чем занимаешься?

КРИНИЦЫН. Имею честь относить себя к отряду млекопитающих.

На террасу выходит НАТАЛИ.

ЕРНИЧЕВ ведет к ней КРИНИЦЫНА.

ЕРНИЧЕВ. Друг мой, вот оригинальный человек. Хочет с тобой познакомиться. Его высказывание вчера тебе понравилось. А мне надо поработать.

НАТАЛИ. Иди, иди!..

ЕРНИЧЕВ уходит в помещение.

КРИНИЦЫН. Гешка. Фамилия Криницын. Криница — это колодец. Который всегда хочет замузить. Бульк — и все.

НАТАЛИ. Чем здесь так вкусно пахнет?

КРИНИЦЫН. Похоже на дезодорант для туалета.

НАТАЛИ (*хохотнув*). Ну как ты так можешь?

КРИНИЦЫН. Повторить?

НАТАЛИ. А вообще ты мне нравишься. Эти все они какие-то, как эти. Строят из себя.

КРИНИЦЫН. А я художник-диетолог. Мой удел выпить и закусить. Поскольку трезвый ум хмельному сердцу не товарищ. Я не знаю, где здесь винная лавка, но ради вас готов отправиться на поиски.

НАТАЛИ. Поняла. У тебя тоже нет денег.

КРИНИЦЫН. Почему "тоже"? У меня их никогда и не было.

НАТАЛИ. Да, это проблема.

КРИНИЦЫН. Нет, это привычка.

НАТАЛИ. Ты такой смешной.

КРИНИЦЫН. А для чего дается жизнь человеку? Чтобы насмеяться до смерти.

НАТАЛИ. Так уж и быть. Сейчас принесу.

КРИНИЦЫН. Я имею потрясающий успех у женщин, не правда ли?

НАТАЛИ. Дурачок.

НАТАЛИ уходит.

Появляется КОМАРОВ.

КРИНИЦЫН. Комар, или ты мне друг, или я тебе газета?..

КОМАРОВ. Повторяю. Денег не дам. Потому что ты их тут же просеешь через стакан.

КРИНИЦЫН. Гусары не берут подачек. Ты второй день чистишь перья. Твой час настал. Сейчас выйдет экзотическая личность. Ее бросили, но она не желает быть одинокой. В ее глазах столько любопытства.

КОМАРОВ. Ты о ком?

КРИНИЦЫН. Ну тебе не все ли равно? Меня попросили развлечь даму. У тебя это выйдет лучше. Сыграй Ромео. Девушка будет твоей уже к концу первого действия. В антракте буфет. Я к тому времени вернусь.

КОМАРОВ. А не пошел бы ты к терапевту?

КРИНИЦЫН. Сначала к наркологу, теперь к терапевту. Вы с моей матушкой так и не определились, от чего меня лечить?

Появляется НАТАЛИ.

КОМАРОВ прыгивает с террасы.

КРИНИЦЫН. Натали, разрешите представить моего друга. Актер художественного театра имени кулис. Поистине жрец низких, средних и высоких подмостков. Ему недоступен провал. Он не знает к нему дорогу. Когда он выходил шестым стражником и каменел в глубине сцены, у меня перехватывало дыхание. А когда ему дали роль с двумя монологами, то все поняли, какой это великий талант. Особенно, когда молчит.

НАТАЛИ (*весело*). Он уже ушел.

КРИНИЦЫН (*обернувшись*). Да?.. Парень оказался более способным, чем я думал.

НАТАЛИ (*протягивает деньги*). На, болтун. Столько хватит?

КРИНИЦЫН. На всю жизнь — нет. Минуточку...

На дорожке из леса появляется ОЛЬХОВСКИЙ.

КРИНИЦЫН сбегает к нему.

ОЛЬХОВСКИЙ. Мне кажется, я могу вам помочь.

КРИНИЦЫН. Вы проницательны до мозга моих костей.

ОЛЬХОВСКИЙ. Много пьете?

КРИНИЦЫН. Ну что вы. Смотря с кем. Помогите, пожалуйста. Там девушка, которую нужно развлечь. До моего возвращения.

ОЛЬХОВСКИЙ. Развлечь? Это не по моей специальности.

КРИНИЦЫН. Говорите ей то, что обычно рассказываете своим пациентам. Если завяжется романчик, я искренне вас поздравляю.

ОЛЬХОВСКИЙ. Да я изначально не способен на такое.

КРИНИЦЫН. А потом? Желаю удачи.

КРИНИЦЫН убегает.

ОЛЬХОВСКИЙ (*поднимаясь на террасу*). Славный денек сегодня...

НАТАЛИ (*подходит к лестнице*). Эй, ты где? Колодец, ты где? Он что, убежал?

ОЛЬХОВСКИЙ. У него очень бегали глаза.

НАТАЛИ (*весело*). Ну все подлецы.

ОЛЬХОВСКИЙ. Если учитывать пожелания других в сочетании со своим эгоизмом, то можно добиться вполне благополучного ощущения.

НАТАЛИ. Пойдемте в беседку? Там вы мне составите астрологический прогноз.

ОЛЬХОВСКИЙ. Мне нужно переодеться. Я сейчас.

НАТАЛИ. Ну-ну.

ОЛЬХОВСКИЙ быстро уходит.

Через паузу быстро выходит БАРИНОВ.

БАРИНОВ. Наташа, я сегодня полдня ищу встречи с вами. Красиво тут, не правда ли? В такие минуты хочется считать, что жизнь удалась.

НАТАЛИ. Лучше так не считать. Чтобы неглазить.

БАРИНОВ. Я тоже суеверен. Мы живем в эпоху, когда все сказано, осмысленно, нарисовано, снято на киноленту и видео. Но мы еще сильнее стали бояться непредсказуемости.

НАТАЛИ. Можно нескромный вопрос? Сколько вам лет, профессор?

БАРИНОВ. Вести счет прожитым годам слишком банально. Дело не в количестве лет, а в ощущении жизни. Эпохи идей, империй, режимов проходят. А птички, солнце и трава были и будут. Современный человек знает, сколько ему осталось и старается сделать к своему сроку как можно больше. Живет ради завтрашнего дня, ради будущего. А будущее все равно будет другим. Не таким, как мы его представляем. Прошлое греет, будущее пугает. Поэтому нужно уметь жить настоящим. Главное не потом, а сейчас. Я понятно излагаю?

НАТАЛИ. Лично я сейчас хотела бы позагорать.

БАРИНОВ. А я хочу составить вам компанию.

НАТАЛИ. А где ваши пляжные принадлежности?

БАРИНОВ. Я сейчас. Я мигом.

БАРИНОВ быстро уходит в помещение.

НАТАЛИ уходит по дорожке в лес.

К лестнице справа выходят МАРИНА и ЕРНИЧЕВ.

ЕРНИЧЕВ. Книга — это разговор с ушедшим. Его нет, но он говорит. Ты соглашаешься или споришь. И вы не боитесь поведать друг другу свои мысли.

Появляется БАРИНОВ.

БАРИНОВ. Вы откуда? Никого не встречали?

ЕРНИЧЕВ. Кажется, кто-то пробежал, Александр Прокофьевич. Но мы не установили, из какого отряда животных, и какой подвид.

БАРИНОВ, улыбаясь, кивает и уходит по дорожке к озеру.

МАРИНА. Виктор, вы меня извините, пожалуйста. Мне нужно... Нужно с одной компьютерной программой поработать.

ЕРНИЧЕВ (огорченно). А мне нужно побыть наедине с чистыми страницами. Но вечером хотелось бы побыть наедине с вами, Марина. Очень прошу. Надо поговорить.

МАРИНА. Лучше помолчать. (Выбирает место, открывает ноутбук.)

ЕРНИЧЕВ. Вон там, в беседке. Часиков в девять. (Пауза.) Договорились? Я надеюсь, Марина. Я буду ждать.

ЕРНИЧЕВ уходит в помещение.

К МАРИНЕ подкрадывается КОМАРОВ.

КОМАРОВ. Ловите восторг? Ну и кого вы там поймали?

МАРИНА. Вас всех.

КОМАРОВ. И держите в своем ящике, как в тюрьме?

МАРИНА. Североамериканские индейцы уже давно изобрели ловушку для снов. А мы, с нашей генетической созерцательностью рыболовов, до сих пор не можем придумать сетей для приятных ощущений.

КОМАРОВ. А во что складывать? Нужно особое хранилище.

МАРИНА. Чувствовалище!

КОМАРОВ. Зачем ловить? На смену одним ощущениям придут другие. Вот вы чего бы сейчас хотели?

МАРИНА. Вы обидитесь.

КОМАРОВ. Понял. А я бы хотел с вами побродить. Побеседовать. Но не здесь.

МАРИНА. И не сейчас. Для бесед имеется беседка. Вы еще не изучили ее? Что там внутри?

КОМАРОВ. Что там может быть? Могут оказаться следы людей. Итак, в беседке? Во сколько?

МАРИНА. Часиков в девять. А сейчас, извините... Мне нужно пообщаться со своим "бэби".

КОМАРОВ уходит.

Перед террасой проходит БАРИНОВ.

МАРИНА. Папа, ты кого-то ищешь?

БАРИНОВ. Нет. Просто собираю гербарий.

БАРИНОВ уходит по дорожке в лес.

Появляется ОЛЬХОВСКИЙ.

ОЛЬХОВСКИЙ. Насколько я понял, Марина, у вас мистическое воображение. Вы на верном пути. Такой взгляд на действительность позволяет приобщаться к бесконечности бытия. Позволяет поточнее определить суть происходящего. Только не по формуле Фауста. Остановись, мгновенье, ты прекрасно. Это формула смерти.

МАРИНА. Какие есть еще формулы? У меня в компьютере появилось выражение "бином". Что такое бином?

ОЛЬХОВСКИЙ. Насколько я помню, это сумма из двух самостоятельных величин. Кажется так. Зачем вам алгебра?

МАРИНА. Я примерно так и представляла. Значит, мне нужно найти вторую величину, с которой я буду чувствовать себя цельно.

ОЛЬХОВСКИЙ. У вас другие способности. Анализировать нужно внутри себя. Когда вы становитесь добрее, злее. Важно понять, как именно вы становитесь мягче.

МАРИНА. Очень просто. До полного размягчения мозга.

ОЛЬХОВСКИЙ *(не сразу)*. Верно. С точностью не определить.

МАРИНА. Давайте продолжим нашу беседу, когда стемнеет. Видите беседку? Часиков в девять.

ОЛЬХОВСКИЙ. Подобное предложение должно было прозвучать от меня. Предложение очень трогательное. А сейчас вам бы хотелось побыть в одиночестве? Что вы там постоянно ищете? Удаляюсь. Жду вас в двадцать один час.

На террасу приходит БАРИНОВ.

ОЛЬХОВСКИЙ уходит.

БАРИНОВ. Может быть, ты нас всех покормишь?

МАРИНА. Я боюсь приготовить плохо.

БАРИНОВ. Мда... Время разбрасывать камни, время их собирать.

МАРИНА. Не так. Время собирать камни и строить камин.

Затемнение.

КАРТИНА ПЯТАЯ

*Поздний вечер. На террасе темно.
У беседки появляется КОМАРОВ, озирается, уходит.
Появляется БАРИНОВ. Тоже уходит. Появляется ЕРНИЧЕВ.
Входит в беседку и пугается, наткнувшись на МАРИНУ.*

МАРИНА. Я уже здесь.

ЕРНИЧЕВ. Вы спрятались?.. Очень романтично.

МАРИНА. Очень литературно, вы хотите сказать.

ЕРНИЧЕВ. В литературных традициях ушедших веков. Тогда в описаниях чувств существовала тайна. О которой нужно было догадываться. Сейчас, после мыльного потока сериалов писать не о чем. Все тайны наружу. А хочется описать именно чувство... Которое должно высекаться словами. Не пониматься, а рождаться. Читаешь какие-то посторонние слова, ассоциативные... И вдруг чувство. У читающего. Из каких слов смонтировать фразы, которые бы высекали? Как в зажигалке. Кремень и колесико. Огонь даже близко не предполагается. Но чирк, чирк — и вспышка. Понимаешь? Хочешь услышать мое самое короткое произведение? Слушай. И полыхнуло!.. Чувствуешь? И полыхнуло, хнуло, нуло, уло, о-о!..

МАРИНА *(быстро)*. Давай спрячемся. Вдруг, да и услышим нужные слова. Ложись на лавку. Быстро. *(Выходит из беседки, садится на ступеньку.)*

Появляется ОЛЬХОВСКИЙ.

ОЛЬХОВСКИЙ. Такое впечатление, что вы молитесь. Кому, если не секрет?

МАРИНА. Кощею небесному. А вы верующий?

ОЛЬХОВСКИЙ. Конечно. Обязательно. Отвергая Бога, человек подвергает сомнению собственные достоинства. Вот вы смотрите на небо. Что вы чувствуете? Или видите?

МАРИНА. Как в тихом космосе черти водятся.

ОЛЬХОВСКИЙ. Вы полны иронии. Вы еще не понимаете, что нигилизм, отрицание — это болезнь духа. Вы человек способный. Старательно гребущий неизвестно к какому берегу. Вам нужна опора.

МАРИНА. Спасательный круг.

ОЛЬХОВСКИЙ. Надежная рука. Вы молоды, привлекательны, с искрой таланта. Такому драгоценному камню необходима достойная опора.

Появляется КОМАРОВ.

МАРИНА. Присядьте.

ОЛЬХОВСКИЙ. Зачем?

МАРИНА. Быстрее. Сидите тихо. *(Идет навстречу Комарову.)*

КОМАРОВ. Марина, я... Я заблудился.

МАРИНА. Здесь?

КОМАРОВ. Нет, в своих чувствах. Их так много. Они такие противоречивые. Я актер, понимаешь? Во мне спрессовано время. Мое тело способно оказаться в семнадцатом веке, в нынешнем, в прошедшем. Моё я — это череда состояний. А ты вдруг — трах! У меня такой восторг. От хаоса, который внутри образовался. Я даже не знаю где я. В сказке, в легенде, в фантазии? *(Замечает Ольховского.)*

ОЛЬХОВСКИЙ. Извините, но я больше не намерен выслушивать этот бред.

ЕРНИЧЕВ (*появляясь*). Я тоже.

ОЛЬХОВСКИЙ. Очень мило.

МАРИНА. Вы сами назначили мне свидание именно здесь. Все трое. Я не хотела никому отказывать.

КОМАРОВ. Неплохо я выступил, да? Могли бы поаплодировать. Такой монолог. Марина, желаю удачи.

МАРИНА. Не уходи! Не уходите. Выслушайте и меня, пожалуйста. Ваши слова звучали убедительно. Вы говорили с чувством. Но вот какие вопросы у меня возникли. Ответьте, пожалуйста. Папа привозит меня сюда... Только-только открывается сезон... Появляются трое, с которыми мой папа, оказывается, знаком!.. С вами он преподает. У вас в издательстве подрабатывает. Главный режиссер театра его хороший знакомый. И вы все трое начинаете активно за мной ухаживать. Значит, вам известна и основная причина моего нахождения здесь? Вы знаете, почему мой папа привез меня сюда?

ОЛЬХОВСКИЙ. Извините, но мне пора.

МАРИНА. Нет, ответьте! Пожалуйста.

ЕРНИЧЕВ. Ваш отец пригласил меня и я приехал. Без всяких причин. Всего хорошего.

МАРИНА. Стой! Я вас слушала, ну так и вы меня выслушайте!.. (*Возбужденно.*) Я устала от свободного соображения!.. Я хочу за границу понимания!.. Я лягушка-кукушка. Женщина с изюминкой во рту. Я за неизвестные направления в искусстве. Где нет красной и черной икры слов. Нам выпало жить в вишневом саду эпохи дуралея!.. Я знаю, что красота сосет мир, а человек — это звучит горько! И я хочу изменить жизнь к лешему!

ЕРНИЧЕВ. Впечатляюще. Но я не врач.

ОЛЬХОВСКИЙ. Современная эквилибристика слов.

КОМАРОВ. Жаль, я ничего не запомнил. Такое должно звучать со сцены. Это же монолог-модерн.

МАРИНА. Вы же специально! Вы не просто назначили мне свидание, а с каким-то умыслом. Признайтесь!

На террасе зажигается свет.

Это НАТАЛИ.

ЕРНИЧЕВ идет к ней.

НАТАЛИ. Нагулялся?

ЕРНИЧЕВ. А ты разве не встретила с Александром Прокофьевичем?

НАТАЛИ. Сначала ты всучил меня одному, потом другому...

ЕРНИЧЕВ. Что значит "всучил"? Что за выражения в девять часов вечера?

НАТАЛИ. Надоел ты мне своим поведением! Не нравится мне твой Александр Прокофьевич. Все говорит и говорит. Чего говорить, тут и так хорошо.

ЕРНИЧЕВ. Значит у тебя с ним никаких этих самых?.. Не повзаимоотношались еще? Отлично. Натали, срочно нужны деньги.

НАТАЛИ. Нормально!.. В городе я тебя пою, подкармливаю!.. Тут я должна мужиков обслуживать по твоей указке!.. Ты не очень сильно обнаглел?

ЕРНИЧЕВ. Это в наших интересах. Сейчас мы с тобой здесь по приглашению. А если мы частично оплатим, то уже не будем ни от кого зависеть. Заплатил — и твою свободу обязаны уважать.

НАТАЛИ. Сколько же стоит свобода?

*НАТАЛИ и ЕРНИЧЕВ уходят в помещение.
На террасу поднимается ОЛЬХОВСКИЙ и тоже уходит.
Появляется БАРИНОВ. Затем ЕРНИЧЕВ.*

БАРИНОВ. Виктор, твоя приятельница почему-то меня избегает. Я ведь не настаивал. Ты сам предложил.

ЕРНИЧЕВ. Вы же просили меня приехать с какой-нибудь знакомой. Разве не так?

БАРИНОВ. Да, но с другой целью. Я хотел, чтобы ты приехал с женщиной для усиления интриги.

ЕРНИЧЕВ. Ах, вот оно что! Всего лишь для усиления интриги? А я, дурак, понял чисто по жизни. Привез самую красивую. Так, так, так... Значит, в вашей интриге я должен всего лишь сыграть роль? Без всякой надежды на успех? Сыграл — и до свидания. Неслабо. Мне даже нравится. А сейчас вы хотите, чтобы я помог вам во взаимоотношениях с Натальей? Я помогу. Я дам вам один совет. Александр Прокофьевич, с женщиной нельзя разговаривать на равных. Она либо не понимает, либо обижается.

БАРИНОВ. Да, я в глупом положении.

ЕРНИЧЕВ. А я? Вы приглашали меня развлечь вашу дочь. Оказывается, пригласили не меня одного. Поэтому я прерываю наш договор. Вот деньги за мое пребывание здесь. Это часть — остальные потом.

БАРИНОВ (*взяв деньги*). У тебя был разговор с Мариной?

*ЕРНИЧЕВ уходит с террасы.
Со стороны леса появляется КРИНИЦЫН.
БАРИНОВ, увидев его, быстро уходит.
Появляется НАТАЛИ.*

КРИНИЦЫН. Сударыня, я у ваших ног. (*Достает из пакета бутылку вина.*)

НАТАЛИ. Ты почему смылся, негодник? Я же хотела прогуляться с тобой.

КРИНИЦЫН. Вдвоем мы бы вернулись только к завтрашнему вечеру.

НАТАЛИ (*взяв бутылку*). Спасибо.

КРИНИЦЫН. Ну что вы. Куплено на ваши деньги.

НАТАЛИ. Я сказала: спасибо, дальше я сама. (*Идет к беседке.*)

КРИНИЦЫН. Это всё, к сожалению... Было еще что-то... (*Шарит в пакете.*) Но куда-то подевалось...

НАТАЛИ (*подойдя к Марине*). Привет. Давай выпьем?

МАРИНА. Я не пью. Мне нельзя.

НАТАЛИ. Один пьет, другая не пьет... (*Идет на дорожку к озеру.*)

На террасу выходит БАРИНОВ.

КРИНИЦЫН. Добрый вечер, профессор.

БАРИНОВ. Вы мою дочь не видели?

КРИНИЦЫН. У меня к вам лирическое предложение. Здесь бродит одна неприкаянная особа. Меня просили обратить на нее внимание. Но моя душа стиснута поясом верности. Для меня грешить без смысла не имеет смысла.

БАРИНОВ *(раздраженно)*. Говорите внятней.

КРИНИЦЫН. Вы ее прекрасно знаете. Натали. Подружка беллетриста. Если верить его словам, то у них только дружба. Что писатели подразумевают под словом дружба — это вопрос. У этой женщины особый дар. Такая простота мыслей. Это нужно уметь ценить. Вам, как человеку тонкому, я думаю, такая задача окажется по силам.

БАРИНОВ. Послушайте вы!.. Я очень уравновешенный человек. Очень.

КРИНИЦЫН. Вы не хотите поухаживать за женщиной?

БАРИНОВ. Вам нужно проветрить мозги! Прогуляйтесь!

КРИНИЦЫН. Да я уже. А что толку? *(Уходит с террасы.)*

Появляется ОЛЬХОВСКИЙ.

ОЛЬХОВСКИЙ. Извините, но я должен вас огорчить. Ваше задание оказалось сложным. Я не то, что не могу, я просто не хочу. Я умываю руки. Вот деньги за мое проживание здесь. Я не желаю быть чем-то обязанным.

БАРИНОВ. Она догадалась? Стоп. Уж не влюбились ли вы? Я просил вас о другом. Чтобы она увлеклась вами. На какое-то время. А вы не смогли ничем ее удивить?

ОЛЬХОВСКИЙ. Я не клоун.

БАРИНОВ. Вернетесь в город?

ОЛЬХОВСКИЙ. А вот этого я не говорил.

ОЛЬХОВСКИЙ уходит.

Появляется КОМАРОВ.

КОМАРОВ. Вот деньги. Дальше действовать по вашей просьбе не хочу. Находиться здесь бесплатно — тоже. Вы не поверили в мои силы? Пригласили троих. Вы специально решили устроить комедию?

БАРИНОВ. Коля, спокойно. Зачем ты привез сюда своего друга?

КОМАРОВ. Вы забыли. Приезжай не один. Так прозвучало ваше приглашение. Если вы произнесли эту фразу ради красного словца, то, извините, я не понял.

БАРИНОВ. Этот пьяница всем надоел.

КОМАРОВ. У парня сердечная драма. От него ушла жена. Назвала его слабаком. Не желаящим приспособливаться к обстоятельствам времени. Мы с ним друзья детства. Его мать попросила меня взять Гешку с собой. Дала денег на всякий случай. Хоть я и говорил ему, что нас пригласили бесплатно. Деньгигодились. Теперь мы вам ничего не должны.

КРИНИЦЫН. Комар, что я слышу!.. *(Поднимается на террасу.)* Моя матушка дала тебе денег, а ты их от меня утаил?

КОМАРОВ. Ты бы пропил их к свиньям. Все, больше ничего нет.

КОМАРОВ сбегает с террасы.

Ему навстречу выходит НАТАЛИ.

НАТАЛИ (*показывая бутылку*). Прогуляемся? Мне открыть нечем. Справишься?

КОМАРОВ. Запросто. Вы как нельзя кстати, сударыня. Именно сейчас. Именно сейчас я готов реализовать себя, как творец. Назло, так сказать.

НАТАЛИ. Назло? Кому?

КОМАРОВ. Назло надменному соседу. Это стихи.

НАТАЛИ. Я стихи люблю.

КОМАРОВ. Куда направим наши одухотворенные стопы?

НАТАЛИ. Вот только говори нормально. Что ты как этот?

КОМАРОВ и НАТАЛИ уходят.

На террасу выходит АЛЬБИНА ПАВЛОВНА.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Вы тут от голода не поумирали еще? На кухне ничего не тронуто.

КРИНИЦЫН. Здесь такая духовная аура, что забываешь о первичных потребностях.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Прокофьевич, через неделю заедут первые отдыхающие. По путевкам.

БАРИНОВ. Мы съедем вовремя. Готов доплатить тебе до полной стоимости.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Я приняла вас по дружбе. Да ну тебя. (*Креницыну.*) Что ты так смотришь? Хочешь кушать? Пошли.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА и КРИНИЦЫН уходят.

МАРИНА (*поднимаясь на террасу*). Папа, нужно было не так.

БАРИНОВ. Я хотел как лучше. Задумал интригу. А ты догадалась.

МАРИНА. Они влюбились. А это уже не смешно.

БАРИНОВ. Если они выглядят нелепо, то почему бы ни позабавиться? Ты куда? Опять сидеть со своим компьютером? Живые люди тебе менее интересны? Марина, это же ненормально. Я тебе купил этот компьютер, я его и уничтожу! Я его утоплю в этом озере. Я даже чувствую, как озеро требует от меня именно такого поступка. Прислушайся.

МАРИНА. Птичка поет. Ой!.. Плеснулся кто-то.

БАРИНОВ. Вот! Поняла? Это рыба. Озеро дает знак. Или русалка.

МАРИНА. Это водяной. Ему там скучно.

МАРИНА уходит.

Появляется КРИНИЦЫН с подносом.

КРИНИЦЫН. На вас все-таки свалились деньги. Как и было предсказано. (*Ставит поднос на стол.*)

БАРИНОВ. Вот уж не думал... Спасибо. Вы очень любезны. (*Садится за стол, пододвигает к себе поднос.*)

КРИНИЦЫН. Теперь-то вам ничего не стоит субсидировать незначительную сумму. Славно повеселимся.

БАРИНОВ. Мы уже играли с вами в настольные игры. Будет лучше, если вы уедите отсюда по-хорошему. Вот за это я готов заплатить. Оплачу дорогу, плюс командировочные, суточные. Сколько хотите? Прямо сейчас даю деньги, и вы тут же уезжаете. Согласны? Прошу учесть. Я могу просто выгнать вас отсюда.

КРИНИЦЫН. Не получится. (*Садится, двигает поднос к себе.*) За мое пребывание здесь... Уплачено!.. А перед деньгами все равны. Не так ли?

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Робкая трель соловья.

БАРИНОВ зажигает на террасе свет.

На столе спит КРИНИЦЫН, под головой книга.

КРИНИЦЫН (*просыпаясь*). Комар, ты?

БАРИНОВ. Если б вы когда-нибудь работали поваром, то знали бы одну примету. Не спи на столе — зарежут.

КРИНИЦЫН. У вас богатая профессиональная биография.

БАРИНОВ (*строго*). Почему именно здесь?

КРИНИЦЫН. Спать на кровати в номере слишком примитивно.

БАРИНОВ. И правды вы не говорите. Потому что ваш дружок-артист заперся в номере с подружкой беллетриста? Разве не так? Что читаете?

КРИНИЦЫН. Это подушка. Редкая детективная ерундистика.

БАРИНОВ (*взяв и положив книгу*). Детективы нравятся публике. В криминальном сюжете четко расставлены фигуры. Ясно где добро и где зло.

КРИНИЦЫН. И заканчивается игра победой справедливости. Для жизни это закономерно? Дома я читаю подобную литературу в туалете. Всякий раз приходит одна и та же мысль. Как бы усовершенствовать стульчак, чтобы сидеть подольше. У меня там целая библиотека.

БАРИНОВ. Книг выходит много. Их можно читать, можно не читать... Однозначно. Когда читаешь, о чем-то думаешь. Думаешь, не думаешь — не важно! Иногда, когда не думаешь, даже лучше, просто отдыхаешь. Книга помогает расслабиться психологически!.. Нельзя рассматривать книгу однобоко. Это труд прежде всего! Если вы не читаете детективов, значит все остальные дураки?

Появляется МАРИНА.

МАРИНА. Папа, что случилось?

БАРИНОВ. Ничего!

МАРИНА (*идет на Криницына*). Ты опять? Когда ты уймешься?

КРИНИЦЫН. Вашему отцу не понравилось, что я читаю низкопробную литературу. (*Показывает книгу.*)

МАРИНА. Идиот. Убожество. Чем ты бравируешь? Своим хамством?

КРИНИЦЫН. У него свои эстетические воззрения, у меня свои. И не надо на меня кричать. Не так уж сильно я и нагрубил.

БАРИНОВ. Я просто не знаю, что с ним делать. Паразит какой-то.

КРИНИЦЫН. Вы не правы, профессор. Пожалуйста. Вы были уверены, что они закрылись в номере.

К террасу выходят НАТАЛИ и КОМАРОВ.

БАРИНОВ. А почему вы спали на столе? *(Марине.)* Представляешь? Ведь мы же за этим столом питаемся!

Появляется ЕРНИЧЕВ.

ЕРНИЧЕВ. Доброе утро.

БАРИНОВ. Еще не рассвело! Марина, иди спать.

КОМАРОВ *(поднявшись на террасу)*. Возникли какие-то проблемы?

БАРИНОВ. Возникли, конечно, возникли. Они возникли, как только тут появился твой дружок. Коля, или ты выставишь его отсюда, или... Выбери одно из двух. *(Уходит.)*

КРИНИЦЫН. У папы уже не сворачиваемость мысли.

МАРИНА. Не смей так говорить о моем отце! Я тебе голову разобью чем-нибудь тяжелым. Здесь есть что-нибудь тяжелое? Здесь есть мужчины, наконец? Мужчины, вы можете вышвырнуть этого негодяя? Или это должна сделать я?

Появляется ОЛЬХОВСКИЙ.

ОЛЬХОВСКИЙ. Могу быть чем-то полезен?

МАРИНА. Можете. Сделайте, пожалуйста, так, чтобы эта экстравагантная личность исчезла с монитора.

ОЛЬХОВСКИЙ. Вам нужно успокоиться.

МАРИНА. Успокойте сначала моего отца.

ОЛЬХОВСКИЙ. Пойдемте.

МАРИНА и ОЛЬХОВСКИЙ уходят.

КРИНИЦЫН. Не понимаю, что его возмутило? Ну, спал на столе. Я же не в тарелке с вермишелью. Ну, высказал свое отношение к детективам.

ЕРНИЧЕВ. Что-что?

КРИНИЦЫН. Да вон лежит. Его вывело из себя твое отсутствие, Комар. Он был уверен, что ты заперся в номере.

НАТАЛИ. Вместе со мной? Тогда понятно.

ЕРНИЧЕВ. Что ты ему сказал про детективы? Ты обалдел!.. Эту книгу написал он. Он, Баринов.

НАТАЛИ. Там же другая фамилия. Я читала, ты мне давал.

ЕРНИЧЕВ. Это псевдоним. Я эту книгу редактировал. Она вышла в нашем издательстве.

КРИНИЦЫН. Плевать я хотел на ваше издательство.

ЕРНИЧЕВ. Каждый зарабатывает, как может.

КРИНИЦЫН. Каждый зарабатывает, как хочет.

ЕРНИЧЕВ. Предлагаю остановиться на том, что каждый вынужден зарабатывать.

Вбегает БАРИНОВ. За ним МАРИНА и ОЛЬХОВСКИЙ.

БАРИНОВ. И права, тысячу раз права ваша бывшая жена. Вы именно слабак! Ни на что не способная жалкая личность.

Уходит БАРИНОВ, за ним ОЛЬХОВСКИЙ.

КРИНИЦЫН. Комар, а ты подлец.

МАРИНА. Вы, как друг, можете на него повлиять?

КОМАРОВ. Не я оригинальничал здесь примитивными тостами. Не я демонстрировал свой дадаизм, гедонизм, и прочий пофигизм. Тебе все параллельно? Поздравляю. Но держи это при себе.

МАРИНА. Он не уходит.

КОМАРОВ. Тебе обо всем сказано открытым текстом. Ты маленький ребенок, да? Умственно отсталый? Скажи хоть что-нибудь.

КРИНИЦЫН. Я с тобой не разговариваю.

КОМАРОВ. Уйди хотя бы в номер!

КРИНИЦЫН. Ты унес ключ.

КОМАРОВ. Да? Извини... *(Достает ключ, протягивает.)*

КРИНИЦЫН. Иди сам туда же.

КРИНИЦЫН спускается с террасы, идет в беседку.

КОМАРОВ. На первое время конфликт исчерпан.

Быстро входит БАРИНОВ, за ним ОЛЬХОВСКИЙ.

БАРИНОВ. Где он? Ушел? Бежал? Почему вы, молодые люди, делаете вид, что ничего не происходит? Если вы у меня в гостях, то должны...

МАРИНА. Папа, все уже уладилось.

БАРИНОВ. Марина, иди спать! Вы — безмолвные наблюдатели? Я правильно вас понял? Корреспонденты жизни. Мы ведем наш репортаж про конец всему. А ведь фельетонная эпоха заканчивается, ребята. Больше смеяться не над чем. Мыслители источили себя сомнениями. Искусство мельчает. Творческие акты разлагаются. Результаты ничтожны. Это не моя мысль, согласен. Неважно!

ЕРНИЧЕВ. Мы здесь уже не в гостях.

КОМАРОВ. Александр Прокофьевич, я вас не узнаю.

БАРИНОВ. Я вас тоже! Передо мной какой-то... Не паяц даже, а пацан!

КОМАРОВ. Я актер.

БАРИНОВ. Вот именно!

Появляется АЛЬБИНА ПАВЛОВНА.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Что за шум? Решили, как петухи, поприветствовать зарю?

НАТАЛИ. Да тут все с ума посходили.

БАРИНОВ. Все в порядке, Альбина. Я решил показать своим друзьям, какие здесь чудесные рассветы. Здесь же умопомрачительные рассветы.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Ну, хоть что-то помнишь. Сейчас никого кормить не буду.

БАРИНОВ. Мы ни в чем не нуждаемся. Извини, что разбудили. Стоп. Ты сказала про завтрак и у меня родилась идея. Сколько у нас дней осталось? Сегодня, завтра и день отъезда. На завтра, Альбина, я заказываю торжественный ужин. Пир на весь мир. Вот, на все деньги. *(Отдает пачку смятых купюр.)* Мы оденем самое лучшее и повеселимся от души. Как вам моя идея? А сейчас предлагаю встретить рассвет. Пойдемте к озеру.

Доченька, Олег Олегович, прошу. Я надеюсь, молодые люди, что вы сделаете соответствующие выводы.

МАРИНА. Постарайтесь. Пожалуйста.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Помоги мне приготовить завтрак.

НАТАЛИ. Так ведь рано еще.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Заодно поболтаем.

НАТАЛИ. С удовольствием.

БАРИНОВ. Альбина, ты... Ты хочешь... *(Натянута смеется.)*
Интересно, о чем ты хочешь поболтать с Наташей? Вот бы попридти, подслушать. Я надеюсь... А, ладно, все равно.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Все равно?

БАРИНОВ. Да. Все равно.

*БАРИНОВ, МАРИНА и ОЛЬХОВСКИЙ уходят по лестнице.
КОМАРОВ уходит в помещение.*

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Пошли на кухню.

НАТАЛИ. Чего он разошелся? Действительно, как петух.

ЕРНИЧЕВ. А ты не догадываешься? У твоего актера обе коленки в грязи. Вы что, не видели?

НАТАЛИ. Ерничев, ты делаешь, что хочешь, и я делаю что хочу. Не скучай. Экстрасенс тебя обошел, но ты не теряй надежду.

*Женщины уходят в помещение.
ЕРНИЧЕВ гасит на террасе свет и идет в беседку.*

ЕРНИЧЕВ. Не помешаю? Ты здорово довел Александра Прокофьевича до белого каления. По большому счету он такого отношения заслуживает. Получилась забавная история. Я привез свою знакомую специально для него. А Натали пошла в отказ.

КРИНИЦЫН. Серьезно? А я пытался их свести. Я же провинился перед Натальей, убежал от нее. Ну и пытался как-то загладить.

ЕРНИЧЕВ. Я виноват перед ней намного больше. Ничего, она не злопамятна. Есть деликатная просьба.

КРИНИЦЫН. Я специалист по деликатным просьбам.

ЕРНИЧЕВ. Чтобы здесь как-то улеглось... Круги в этом омуте успокоились... Твой друг может уехать? Отправиться домой?

КРИНИЦЫН. Большинство желает, чтобы уехал я.

ЕРНИЧЕВ. Папаша погнал на тебя бетономешалку из-за артиста. Поверь, я немного разбираюсь. Ты можешь увезти его отсюда?

КРИНИЦЫН. Профессор готов выложить вознаграждение?

ЕРНИЧЕВ. Нет, ну что ты. Это всего лишь моя просьба.

КРИНИЦЫН. Комаров привез меня сюда... Я должен увезти его отсюда... Ему было проще. Он меня мертвецки напоил.

ЕРНИЧЕВ. Я постараюсь решить этот вопрос. Он сможет набраться до нужной кондиции?

КРИНИЦЫН. А я попробую решить этот вопрос. *(Рукопожатие.)* Этот астролог, он кто, что, где, когда?

ЕРНИЧЕВ. Похож на интеллектуала. Только без интеллекта.

Затемнение.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Солнечный день.

В беседке БАРИНОВ, МАРИНА и ОЛЬХОВСКИЙ.

БАРИНОВ. Человек создан для счастья, как птица для полета. Эту аксиому особенно любят оптимисты. Умышленно не говоря о второй половине постулата. Человек создан как для счастья, так и для несчастья. Чувствуете? Теперь есть равновесие.

ОЛЬХОВСКИЙ. Марина, у вас сейчас период дисгармонии. Но после отлива неизбежно приходит прилив. Так что терпение. И поиск точек опоры.

МАРИНА. Я не понимаю зачем. Ради чего страдания и заботы?

БАРИНОВ. Это я не понимаю! Тебе что, пятьдесят лет? Ты можешь, наконец, оторваться от своего компьютера? С тобой разговаривают.

МАРИНА. Здесь решается самое главное. *(Ольховскому.)* Забудьте. Мне нужно очертить ваше лицо. Графический портрет.

На террасе появляются КОМАРОВ и КРИНИЦЫН.

КРИНИЦЫН. Найди на берегу уютное местечко и жди меня.

КОМАРОВ. А если я не желаю предаваться возлияниям?

КРИНИЦЫН. Если я тебя не прощу, то как ты согласишься в глаза моей матушке? Ты нацепил свою влюбленность набекрень. Разуль разум.

КОМАРОВ. Ты считаешь, что я уронил свою честь в грязь? А я специально. И не жалею. Хорошо, будь по-твоему. Хочется для всех делать приятное. Вот каково мое чувство. *(Идет к беседке.)* Мариночка, извините, можно вас на секунду. *(Когда Марина подошла.)* Я постараюсь сделать так, чтобы всем было хорошо. Хорошо?

КОМАРОВ уходит по дорожке к озеру.

БАРИНОВ. Он тоже сейчас подойдет к нам?

МАРИНА *(вернувшись в беседку)*. Не хотелось бы.

ОЛЬХОВСКИЙ. Отчего же? Напротив. Давайте позовем его сюда. Позвольте мне провести один эксперимент?

БАРИНОВ. Ну, разве что один. Пусть, Марина. В конце концов, мы должны быть выше.

МАРИНА. А я, может, хочу быть ниже? *(Машет рукой.)* Эй ты, иди сюда! Подойди к нам!

КРИНИЦЫН *(подойдя к беседке)*. Приглашение прозвучало как оскорбление. Но вы — дама. Поэтому я не могу порадовать вас достойным ответом.

ОЛЬХОВСКИЙ. Тогда позвольте мне принять ваш вызов. Предлагаю дуэль.

КРИНИЦЫН. Вы как-то уж очень серьезно.

ОЛЬХОВСКИЙ. Бойтесь?

КРИНИЦЫН. Мне кодекс чести не позволяет поднять руку на человека с таким чувством юмора.

БАРИНОВ *(усмехнувшись)*. Один — ноль. Предлагаю бросать бумеранги. Если не попал в противника, каламбур прилетает на твою голову.

МАРИНА. Нет, я хочу сама за себя постоять. Ну что, стреляемся?

КРИНИЦЫН. Речь идет о словесной перепалке?

МАРИНА. Тогда к барьеру. Ты слизняк. Хамло. Самодовольный индюк.

КРИНИЦЫН. Мы все ведем животный образ жизни. Существует ради брюха, а не ради духа.

МАРИНА. Ты не способен ничего изменить, совершить. Паразитирующая личность.

КРИНИЦЫН. А завтра погода будет еще лучше.

МАРИНА. Ты чего это вздумал? Отвечай нормально.

КРИНИЦЫН. Мои слова звучат в воздух. С женщиной нельзя бороться на равных. Либо ты не уважаешь ее, либо себя.

БАРИНОВ. Неплохо.

ОЛЬХОВСКИЙ. Попробуем все же со мной. Стойте произвольно. Расслабьтесь. Мы смотрим друг другу в глаза. Солнце не мешает? Сначала вы защищаетесь. Вы почувствуете исходящий от меня поток энергии. Постарайтесь ему противостоять.

КРИНИЦЫН. Противостоять неизвестно чему — задача не из легких.

ОЛЬХОВСКИЙ. Отнеситесь серьезно. После моей атаки вы ответите тем же. Если сможете. Не отвлекайтесь. *(Гипнотически.)* Соберитесь... Сконцентрируйтесь...

КРИНИЦЫН. Он зовет меня на свидание? Послушайте, я не из этих. Я вижу, что вокруг много красивых мужчин, но меня тянет к женщинам.

ОЛЬХОВСКИЙ. Помолчите... Напрягите всю силу воли.

КРИНИЦЫН. Он начинает приказывать. Может мне раздеться?

ОЛЬХОВСКИЙ. Достаточно. Теперь попробуйте сами.

КРИНИЦЫН. Я же объяснил. Я не играю в голубые игры.

БАРИНОВ. Вы повторяетесь. Это отчаяние.

ОЛЬХОВСКИЙ. Я нанес удар, и вы его почувствовали. Не желаете отвечать? У моего противника благородство имеет место быть.

На террасе появляется ЕРНИЧЕВ с пластиковым пакетом.

КРИНИЦЫН. Вы должны помнить еще с начальных классов простую математическую задачу. Из пункта А в пункт Б ведет дорога, протяженностью x , игрек, и-краткое. Помните эту дорогу? Счастливого пути. *(Идет к Ерничеву, берет пакет.)*

КРИНИЦЫН и ЕРНИЧЕВ уходят по дорожке к озеру.

ОЛЬХОВСКИЙ. Он проиграл дуэль. Вы правы, он слабак. Человек не желающий сопротивляться.

МАРИНА. Значит, вы нанесли удар незащищенному человеку? Что же теперь будет?

ОЛЬХОВСКИЙ. Что он сам себе позволит, то и будет.

На террасу выходят АЛЬБИНА ПАВЛОВНА и НАТАЛИ, несут в буфет чистую посуду.

НАТАЛИ. И вот, представляешь, где бы он меня ни застал... У подруги, если там компания, на работу приедет, а у нас там застолье... Он весело со всеми разговаривает. Все, поехали домой. Заходим в квартиру, он закрывает дверь, и прямо с порога мне в глаз.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Так ревновал? Значит, сильно любил.

НАТАЛИ. Но мне же с утра на работу.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. И ты подала на развод?

НАТАЛИ. Я свела его с одной знакомой. Как бы случайно. Через три месяца он сам подал на развод.

БАРИНОВ (*меланхолично улыбаясь*). Они спелись... Значит, она ей все разболтала...

МАРИНА. Папа, ты о чем?

БАРИНОВ. А, все равно. (*Направляется к террасе.*)

Перемена света.

КАРТИНА ИЗ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА и НАТАЛИ с рюмками и сигаретами.

НАТАЛИ. За твое гостеприимство, Альбина Пална.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Слушай, Наташка, ну не надо, а? Зови меня просто Аля. Затрахаля уже. Альбина Пална, Альбина Пална!.. Особенно Баринов. Он пригласил вас сюда как гостей, да? А на самом деле вы в гостях у меня. Я согласилась по старой дружбе. Он, конечно, частично оплатил... И как специально. Альбина Пална, Альбина Пална!.. За стол даже не пригласил. Профессор. Давай выпьем. За что? Вот я не умею говорить красиво.

НАТАЛИ. Да здесь так красиво, что и говорить ни о чем не надо.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Сейчас соловьи проснутся. Вообще улетишь. (*Выпивает.*) Хочешь, расскажу, как мы с Бариновым познакомились? Этот пансионат построили для прежних королей. Которые считали, что на века не будет частной собственности, но всегда будет только их собственность. Принимали сюда строго. Чтобы честная, не ворует, вовремя докладывает, и чтобы язык всегда за зубами. Ну и чтобы с мужчинами умела себя держать. Загуляла с одним — еще могут простить. Как только другому позволила — все. А платили хорошо, плюс — обеспечение.

НАТАЛИ. Шикарное место.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Я после медучилища, молоденькая, и на меня сразу положил глаз один комитетчик. Он как-то недельку отдохнул, после чего начал на выходные появляться. Видно, справки обо мне навел, ну и начал. Выходи за меня замуж. А я дура была, правильная. Что делать? Говорю ему: надо же как-то по-любви. А он: да появится любовь, куда ты денешься. Меня даже комендант к себе вызвал. Ты что, Альбина, с ума сошла? Мужик холостой, перспективный. И я решилась. Годик еще понаблюдаю, как он за мной ухаживает, и соглашусь.

НАТАЛИ. Знакомая ситуёвина. Давай еще по полташечке? (*Наливает.*)

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. И тут на мою голову сваливается Баринов. Его привезли читать закрытую лекцию. Кандидат наук, преподает в университете. Он тогда был неженат. Приехали они в пятницу на три дня. В субботу после программы "Время" он читал лекцию про мировые религии. Я слушала открыв рот. Я не понимала про что, я смотрела, как он слова выговаривает. А он еще в пятницу начал мне всякие вопросы задавать. Обходительный такой. А после лекции, где-то в полдвенадцатого, меня так — цап, и в уголок. Давайте прогуляемся, Алечка. Пойдемте к озеру, Алечка. А я ему: да вы что? У нас знаете, как строго? Если узнают, меня сразу выгонят. Про жениха, конечно, ничего не говорю. Того, слава Богу,

не было. А то бы ничего не получилось. А так — получилось. Договорились, что он будет меня ждать на дорожке в лесу. Начальство в это время пьянствовало. Потом вышли на берег озера, я разделась — и купаться. Чувствую, что я русалка, что я фея, порхаю счастливая!..

НАТАЛИ. У вас тут природа располагает. Сексуальный заповедник. Это Ерничев так сказал.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. А потом он и говорит. Давай прокрадемся в беседку? И прямо там. Назло всем этим шишкам. Беседка же на виду. Мне страшно!.. Вдруг увидят? И в то же время хочется делать так, как он говорит. А в самой беседке чисто, там каждый день полы мыли. И тут я возьми и расскажи про своего комитетчика. Прокофьевич так перепугался. Я в темноте увидела, что на нем лица нет. Успокойся, говорю, я этому жениху согласия никакого не давала. А он давай меня уговаривать. Алечка, миленькая, не вздумай никому похвастаться или разболтать про нас. Иначе я погиб, конец карьеры. Я не понимаю. Чего ты боишься? Я замуж не пойду, не нужен мне этот жених. А он и говорит. Не торопись, в жизни не все так просто. Между нами все хорошо, такое не забывается, но мне нужно серьезно подумать. Понимаешь?

НАТАЛИ. Мужики — трусы.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. На следующий день они уехали на "Икарусе", а я сама не своя. Счастливая тоска. Наши заметили. Комендант на допрос. Врешь, Альбина, ты что-то скрываешь. А я давай ему плакаться, что скоро жених придет, а я не хочу за него, предчувствие у меня, боюсь я его. Комендант давай меня успокаивать. Жених приехал и стал как-то не так. То целоваться лез и руками по-всякому, выходи за меня замуж, да выходи за меня замуж, а тут не притронулся даже. А через месяц заявляется Баринов. Официально, по путевке на три дня. Я уже извелась, думала, что все. Просила его, дай телефон, встретимся в городе, он ни в какую. А тут сам приехал. И мы с ним опять. Как партизаны. Встречаться с тобой хочу, говорит, все время о тебе думаю, но встречаться так, чтобы никто ничего не заподозрил, у меня докторская на подходе, я уже иду по дороге, на которую многие еще только мечтают выбраться, поэтому рисковать никак нельзя. Раз в месяц он исправно приезжал. Днем на меня ноль внимания, а уж ночь — наша. Об одном сейчас жалею очень. Рожать мне нужно было тогда от него. Такой сын был бы желанным.

НАТАЛИ. Налить еще?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Год прошел нашей подпольной жизни... Приезжает он как-то... Диссертацию защитил, в должности повысили, теперь жениться надо, невеста есть, из обеспеченной семьи, образованная, перспективная... Он любил это слово. Перспективное дело, перспективное направление... Ну и попрощались. А через месяц приезжает мой комитетчик... Он потом все вот это приватизировал... Приехал он, банкет закатил, его тоже в должности повысили, а я возьми да ляпни. А что, может мне действительно за тебя замуж пойти? Он тут же меня в номер затащил и от радости изнасиловал. И понесла я свой крест. Когда жить надо, а зачем — неизвестно. Сын родился... Не хочу об этом. Я теперь здесь живу, а они там.

НАТАЛИ. Ну и что потом Баринов?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. А что Баринов? Изредка появлялся. Поплачется в жилетку, как ему плохо с женой, натянет маску, мол-де счастлив, и поедет дальше свои лекции читать, просвещать народ.

НАТАЛИ. Астролог предсказал ему большое чувство и легкое увлечение.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Дочку он свою любит. Очень переживает за нее. Ну, а легкое увлечение... Что тут непонятного? Тут как раз все ясно.

НАТАЛИ. Что ясно? Ну что ясно-то? У меня с ним ничего такого.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Поэтому он и бесится. Послушай, Наташка... Я очень тебя прошу. Уступи Прокофьевичу. Только не перебивай. Прошу, как сестру родную. Допусти его. Это ведь, как служение.

НАТАЛИ. И ты меня об этом просишь? Ты?!

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Знаешь, почему он без ума от тебя? Потому что ты очень похожа на меня ту. Которая двадцать лет назад побежала за ним в лес по первому зову. Ты постарше, конечно, характер у тебя еще тот, но вот внешне, на лицо... Как будто какой-то знак есть, что ты схожей породы. Поэтому и прошу. Сделай, а?

НАТАЛИ. Ну ты даешь!..

Перемена света.

НАТАЛИ и АЛЬБИНА ПАВЛОВНА складывают посуду.

БАРИНОВ (*меланхолично улыбаясь, идет на террасу*). Значит, они спелись... А, все равно.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Наташка, он идет сюда. Я тебя очень прошу... (*Баринovu, громко.*) Завтрак все проспали. Поэтому обед мы подаем раньше времени. Присаживайся, Прокофьевич. Сейчас все будет.

НАТАЛИ. Я помогу.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА (*строго*). Не надо!..

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА уходит.

БАРИНОВ (*сидя за стол*). Чем нас сегодня потчуют? (*Пауза.*) За последнее время наблюдается резкий подъем интереса к религиозным поискам. Социологи считают, что это мощная тенденция, неизвестно чем грозящая. Наступил новый век, а люди бегут в дебри ушедших тысячелетий. Каждый ищет свою пещеру. Человечество в процессе достижения свобод загнало себя в духовное рабство. Душа, формирование и жизнь которой определяется словом, полностью подчинена цифрам. Житель племени мумба-юмба более свободен, чем среднестатистический обыватель, упакованный в обертки комфорта. У дикаря, когда пищи много — он радуется солнцу, растениям, мыслям, чувствам. Пищи мало — идет на охоту, на поиски. Когда хочется — поет, танцует, любит, курит травку или заквашивает сладкие растения для получения любимого напитка. Цивилизованный же индивидуум ограничен. Есть деньги — ему хорошо, нет денег — полный дискомфорт. Нужно идти горбатиться, идти на панель, либо идти грабить. Поэтому и кинулись люди в церкви, к проповедникам и колдунам. Каждый ищет спасательный круг. Вот вы, Наташа, как ощущаете себя в новом времени?

НАТАЛИ. Как ощущаю? Как и раньше. По-моему, оно еще не наступило.

БАРИНОВ. Ну, а во что верите?

НАТАЛИ. Во что верю? В хорошее настроение. Когда у меня хорошее настроение — все прекрасно. Когда плохое — нужно переждать. Или найти способ поднять тонус.

БАРИНОВ. Наташа, я хочу почувствовать себя единоверцем с вами. Я атеист. Атеизм — это тоже религия. Прежде всего, уважение к другим религиям, понимание их. Вот вы говорите, что ваш бог — настроение. Значит вы язычница, Наташа. Вы поклоняетесь стихиям. Куда вы так смотрите?

НАТАЛИ. Мне интересно, какая там стихия разыгрывается.

ОЛЬХОВСКИЙ *(в беседке, Марине)*. Он проиграл дуэль. Вы правы, он слабак. Человек, не желающий сопротивляться.

МАРИНА. Значит, вы нанесли удар незащищенному человеку? Что же теперь будет?

ОЛЬХОВСКИЙ. Что он себе позволит, то и будет. Да хватит о нем. Я хочу говорить о вас, Марина. Все утро ждал, когда же мы останемся одни. А вы опять со своим компьютером!..

МАРИНА. Говорите, говорите. Я фиксирую ваши слова.

ОЛЬХОВСКИЙ. Вы... Вы поразили меня своей внутренней энергией. У вас редкий дар, Марина. У меня не получается воздействовать на вас. Вы не лидер, а вы... Как бы поточнее... Вы идол, кумир, божество... Нет, не совсем. Талисман, амулет, живая икона... Нет. Проповедник неизвестного вам, но важного. Тоже не то, но вы постарайтесь сложить перечисленные понятия и вычесть корень квадратный. Вам понятен смысл хаоса моих мыслей? У вас завидная целеустремленность, но вы противница спокойствия. Почему?

МАРИНА. Спокойствие — это тоска.

ОЛЬХОВСКИЙ. Вы не знаете, как распорядиться своей внутренней энергией. Я готов подсказать вам путь. Вам нужно посвятить себя другому человеку. Стать помощником, соратником. Наступить на горло песне личного самолюбия, исполняя волю командира. И тогда ваш эгоизм дойдет до высшего удовлетворения.

МАРИНА. Преданно служить мужчине? Слышала такое.

ОЛЬХОВСКИЙ. По большому счету — это высшее призвание любой женщины. Но эмансипация увела современную женщину в непроходимые дебри. Для вас служение особенно важно. Потому что материнские инстинкты у вас еще спят.

МАРИНА. Что же вы хотите посоветовать? Вернее, кого? Себя?

ОЛЬХОВСКИЙ. Да!.. Признаюсь. Да, признаюсь, у меня был с вашим отцом сговор. Он так и не объяснил причин беспокойства за вашу психику. Он просил воздействовать любым способом. Но у меня не получается. Вы сами довольно сильный медиум.

МАРИНА. Вы хотите, чтобы я стала вашей ученицей? Или спутницей?

ОЛЬХОВСКИЙ. Картина начала века такова. Общество дифференцируется. Золотая часть общества востребована, от них что-то зависит. Остальная масса людей не востребована, от них не зависит ничего. Только утилизация потребляемых товаров. Колбасу, одежду, телесериалы, рекламу, и так далее. Большую часть живущих данное положение не устраивает. Они ищут маяки, ориентиры, символы значимости. Ищут свою религию. Люди ищут нужное вероисповедание, а находят кого? Проповедников, апостолов, гуру. Они приходят к тем, кто является носителем нужной для них истины. Апостолы намного больше востребованы, чем маниакальные правители, коррумпированные политики, самовлюбленные мафиози, гордые ученые, глупые кинозвезды и певцы, тщеславные сочинители и прочие маразматика. Понимаете, куда я вас зову?

МАРИНА. Скажите более определенно. Кем вы меня видите? Любовницей?

ОЛЬХОВСКИЙ. Ни в коем случае. Только женой. У нас разница в возрасте, я понимаю...

МАРИНА. Ну что вы, у меня был мужчина гораздо старше вас.

ОЛЬХОВСКИЙ. Вот как?

МАРИНА. Это не проблема. Готова доказать. Давайте завтра, после прощального ужина, пойдем под трели соловья на берег озера. И там проверим, насколько мы подходим друг другу, как соратники. Мне интересно ваше предложение.

ОЛЬХОВСКИЙ. Да, но мне показалось...

МАРИНА. А вот когда кажется, нужно креститься. Так говорят. Или это противно колдовству?

ОЛЬХОВСКИЙ. Магия креста была известна человечеству задолго до появления христианства... Я не колдун, Марина. Я психоаналитик. Как и вы. Так вы серьезно насчет завтра? Насчет озера?

МАРИНА. А вы не ощущаете, что здесь, в этой беседке, уже происходили грустные встречи? Чувствуете, сколько в этом воздухе вздохов разочарования? *(Закрывает ноутбук. Идет к террасе.)*

БАРИНОВ. Да что там может происходить? Если б вы знали, Наташа, какая стихия бушует у меня внутри.

НАТАЛИ. Вы невнимательны. Пойду, узнаю поподробнее, и докажу вам, что вы не правы. *(Идет с террасы, входит в беседку.)* Кто-то обещал составить гороскоп. Неужели не помним? Как же так?

ОЛЬХОВСКИЙ. Действительно. Забыл. Непременно и сейчас же.

НАТАЛИ. Нужен карандаш и бумага. Мне уже рисовали как-то.

ОЛЬХОВСКИЙ. Не обязательно. Главное... Я готов. Главное для хорошего гороскопа — уединение.

НАТАЛИ. Ну, так в чем же дело? Пошли.

ОЛЬХОВСКИЙ. Куда прикажете?

НАТАЛИ. А куда угодно. Здесь много заповедных мест. Здесь заповедник, как сказал один писака. Мы пойдем по тем дорожкам, где не кошена трава.

ОЛЬХОВСКИЙ. Да, хорошая песня.

НАТАЛИ уводит ОЛЬХОВСКОГО по дорожке к озеру.

На террасе появляется АЛЬБИНА ПАВЛОВНА с подносом.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. А где Наташка?

МАРИНА *(поднявшись на террасу)*. Альбина Павловна, вы, надеюсь, отобедаете с нами?

БАРИНОВ. Да уж, Альбина, будь любезна.

МАРИНА *(садясь за стол)*. Чем нас сегодня кормят?

БАРИНОВ. Это первое. Это второе. Салат.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА *(засмеявшись)*. Ну, Прокофьевич!.. Таким я тебя еще не видала.

Затемнение.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Вечереет. Заливаются соловьи.

На террасе БАРИНОВ. Выходит МАРИНА с ноутбуком.

БАРИНОВ. Ты сидела в номере? Устала от отдыха? Ничего, завтра прощальный ужин, а послезавтра домой.

МАРИНА. Ты все испортил, папа.

Выходит АЛЬБИНА ПАВЛОВНА с ведром и шваброй.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Еще не пришла?

БАРИНОВ. Кто? Не понимаю... Ты хочешь делать уборку на ночь?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Успокойся. Я иду мыть полы в беседке.

БАРИНОВ. В беседке? Зачем?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Да так. На всякий случай. *(Идет с террасы, напевая.)* Скоро-скоро на луга!.. Лягут белые снега!..

МАРИНА *(весело)*. Она что, подвыпила?

БАРИНОВ *(пожимая плечами)*. Это ее любимая песня. *(Уходит.)*

Из кустов появляется ЕРНИЧЕВ, машет МАРИНЕ.

ЕРНИЧЕВ. Предлагаю побеседовать в специальном сооружении.

МАРИНА *(спустившись с террасы)*. В беседке? Там Альбина Павловна моет полы.

ЕРНИЧЕВ *(взволнованно)*. Пошли в лес. На террасе не очень. Выйдет твой папа, начнет грузить. А я, можно сказать, уже справился с его заданием. Выполнил твою просьбу.

МАРИНА. Какую?

ЕРНИЧЕВ. Не скажу. Не хочу выглядеть хвастуном. Я хочу поговорить серьезно. Не смотря на несерьезный тон. Не могу иначе, таким родился. Таков мой генетический код.

МАРИНА. А возможен психологический код? Код способностей души? Душа ведь не из клеток состоит. Я очень хочу его высчитать. Смотри, как меняются облака. Это проступают лики создателя. Стой так. Говори чего-нибудь. А я тебя нарисую. *(Открывает компьютер, берет световое перо, чертит по монитору.)* Я накидаю портрет, внесу в память, а потом выведу код твоей души.

ЕРНИЧЕВ. Тогда нужен и словесный портрет. Психологические тесты.

МАРИНА. У меня таких программ навалом. Ответь на вопрос. Ты способен нарушить данное слово, обещание, клятву? Варианты ответов. Ради денег, первое. Ради любовного увлечения, второе. Ради карьеры, третье.

ЕРНИЧЕВ. Ну... Клятва — это приговор самому себе. Я не даю клятв. Это первое. А нарушить обещание? Да запросто. По всем трем пунктам. Это второе. Я человек компромиссный. Не ортодокс.

МАРИНА. Творческая личность.

ЕРНИЧЕВ. Тебе не кажется, что мы с тобой одного поля яблоки?

МАРИНА. Расскажи, пожалуйста, о своих религиозных убеждениях.

ЕРНИЧЕВ. Ты думаешь, они у меня есть? Стой, не пиши. Ответ неправильный. Для начала уточним, что мы понимаем под религиозностью. Это вера, твердое убеждение в истинности и правильности какой-либо идеи, учения, занятия... Или целой системы отношений. Деньги сейчас самая сильная религия. Особенно для богатых. А для нас, простых обывателей, остается что? Если кажутся устаревшими известные конфессии, то... Любимое занятие. На него ты обречен своим генетическим кодом. Ему отдаешь все свои силы, о нем все твои помыслы. Для меня моя церковь — бумага и слова, из которых я строю комбинации. Для тебя — компьютер. Многообразие комбинаций в виртуальной реальности.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА *(возвращаясь)*. Молодежь, в беседку пока не ходить. *(Уходит в помещение.)*

МАРИНА. Хорошо, Альбина Павловна.

ЕРНИЧЕВ. Принято считать, что Бог там, на небесах, а здесь его творящий дух. Он живой, он создатель всего. Любите Бога живого, а не идолов, призывали апостолы. Научный взгляд на мир несколько иной. Вселенная, в которой наша солнечная система всего лишь незначительная часть, образовалась в результате взрыва. Планеты — куски материи, повисшие в безматериальном пространстве. Это неживая масса материи и пространства. Которая неизмерима временем. У вечности нет ни прошлого, ни будущего. В этом величие Бога. А самое главное его величие в том, что некоторые частички себя неживого, такие, как остывающая планетка Земля, Бог способен оживить для осмысления самого себя. Неживое рождает живое, чтобы прочувствовать величие неживого. Вот что такое Бог. Шаровидный головной мозг человека значимей по некоторым параметрам шаровидной планеты Нептун. Потому что способен со временем изменить неживое. А может быть неживое и создает живое, чтобы измениться через миллиарды миллиардов лет.

МАРИНА. Ну ты и задвинул!

ЕРНИЧЕВ. Прошу конспектировать дословно. Чтобы поточнее вычислить мой код. Мы живые частички неживого. Мы частички Бога. Наша религия — здоровый эгоизм. Высшая молитва которой — экстаз. Когда выходишь за границу понимания, к ощущению бессмертного. Я говорю о ритуале соединения мужчины и женщины. Только люди спариваются как можно чаще не ради воспроизводства, а ради мига, когда ощущаешь божественное. Две частички соединяются в целое, чтобы понять, что такое Бог. Бог есть любовь — это ключ к разгадке. Что такое Млечный путь? Это оргазм вселенной. Остановившийся момент взрыва. Понимаешь?

МАРИНА. Ты со всеми так откровенен?

ЕРНИЧЕВ. Как бы я не объяснялся в своих чувствах, ты же все равно не поверишь мне. Поэтому буду предельно откровенен. Марина, мне очень нужно встретиться с тобой в городе. Дай номер твоего телефона. *(Пауза.)* Я не ожидал, что встречу человека, с которым можно вечно совершать молитву Богу. Ладно, о моем чувстве ты больше не услышишь. Буду вести себя иначе. Значит так, Марина. Я выполнил твою просьбу. Вы больше не увидите здесь этого пассажира, который выводит из себя твоего папу. Хотя он парень нормальный. Развязно себя ведет? Таков стиль. Ибо такова действительность. Повторяю, я выполнил твою просьбу.

МАРИНА. Было нелегко?

ЕРНИЧЕВ. Не об этом речь. Во время исполнения у меня не было корыстных целей. А теперь... Поскольку я тебя больше не увижу... Я прошу награды.

МАРИНА. Нежный поцелуй?

ЕРНИЧЕВ. Об этом я просил девочек в детском саду. Я прошу того, о чем запомню надолго. Молитвы и ритуала.

МАРИНА (*после паузы*). Почему бы и нет? Тем более, что у тебя ко мне чувство. Почему бы и нет? Ты мне даже нравишься.

ЕРНИЧЕВ. Пошли в беседку.

МАРИНА. Альбина Павловна просила не порочить святые места. Пошли к озеру?

ЕРНИЧЕВ. Да вот к озеру как-то не совсем удобно...

МАРИНА. Почему? Тоже святое место?

На дорожке к озеру появляется КОМАРОВ.

Идет медленно, стараясь не упасть.

ЕРНИЧЕВ. Не понял... А вот этого явления я не понял...

МАРИНА. Тогда иди к себе в номер. А я приду через полчаса. Твоя подружка нам не помешает?

ЕРНИЧЕВ. Она сейчас развлекается с астрологом. У меня с ней чисто дружеские отношения.

МАРИНА. Ваши чисто дружеские отношения выводят моего папу из себя с первого дня.

ЕРНИЧЕВ. Завтра утром я уеду, а она останется здесь. На прощальный ужин. Так что... Пошли вместе.

МАРИНА. Нельзя. В холле папа смотрит по телевизору новости. Иди. Я приду. Честно.

ЕРНИЧЕВ (*обнимая*). Не обманешь?

МАРИНА (*целуя в щеку*). Постараюсь.

ЕРНИЧЕВ уходит в помещение.

МАРИНА прячется возле лестницы.

На террасу выходит БАРИНОВ.

БАРИНОВ. В чем дело, Коля?

КОМАРОВ (*поднимаясь на террасу*). Ни в чем! (*Уходит в помещение.*)

БАРИНОВ, постояв, уходит к озеру.

КОМАРОВ возвращается с двумя дорожными сумками, спускается по лестнице, падает.

МАРИНА (*подбежав*). Ты что, совсем, что ли?

КОМАРОВ. Трава... А только что были звезды... Марина? Ты откуда? Я искал тебя, чтобы попрощаться, а ты сама меня нашла... Я сейчас встану. А можно и сидя. Давай попрощаемся!..

МАРИНА. Куда ты собрался?

КОМАРОВ. Я исполняю ваше поручение, Марина. И все! Ты очень хотела, чтобы моего друга Криницына здесь не было? Пожалуйста. Я делаю это. Уже сделал. Раз уж так. И заметь. Мне ничего от тебя не надо. Ни-че-го. Раз уж так. Я тоже уезжаю. Раз уж до такой степени я тебе неприятен.

МАРИНА. Я такого не говорила. Сиди, не вставай. Мне нужно тебя нарисовать. (*Открывает ноутбук.*) Чтобы твой портрет остался у меня на память.

КОМАРОВ. И можешь там написать. Мне от тебя ничего не надо! Тебе не надо? Значит и мне не надо. Криницына я увожу. Потому что я за него отвечаю. Перед его мамашей. Поэтому увожу и уезжаю сам. Раз уж так. Ты не представляешь, как я счастлив, Марина! Я люблю тебя, я готов ради тебя на все! Какая возвышающая тоска!

МАРИНА. Не кричи так громко. Могут услышать.

КОМАРОВ. Да, Бог услышал мои молитвы!.. Мне послана любовь! Какое счастье... И несчастье... Я готов предложить тебе руку и сердце. Готов. Готов рассыпаться перед тобой на молекулы и атомы. Но тебе же этого не надо. Поэтому я удаляюсь. Я буду каждый день благодарить Всевышнего за его подарок мне. Ты послана свыше, понимаешь? Да ничего ты не понимаешь. А я готов улететь!.. Твой отец думает, что я всего лишь фигляр!..

МАРИНА. Тихо ты! Пошли в беседку. Быстро, быстро! *(Заставляет Комарова взять сумки, торопит в беседку.)* Только тихо. Ни звука, понял?

КОМАРОВ. Да я про чувства свои!.. *(Шепчет яростно.)* Мы уезжаем! Всё! Мы с тобой больше не увидимся. Но про чувства я имею право сказать. Ты теперь — моя богиня! *(Марина закрывает ему рот.)*

Возвращается БАРИНОВ. Уходит в помещение.

МАРИНА. Успокоился? Теперь объясни толком. Вы уезжаете вместе?

КОМАРОВ. Да не уезжаете!.. А я!.. Его!.. Увожу!.. У-во-жу. Я. Как ты хотела. И все, мне ничего не надо. Раз уж так. Потому что меня посетила божественная сила. О, стихи?.. Я ведь никогда не писал. Меня посетила божественная сила!.. И все, что ли? Короткий, но выразительный. Как в Японии. Это хокку.

МАРИНА. А твой друг сейчас где?

КОМАРОВ. Он сейчас пьяный. Он спит. Я его изрядно накачал. Там, у озера. Ну и самому пришлось. Иначе никак. Иначе он уперся рогом. А когда он под наркозом, его можно вести, нести, трясти. Только говорит без умолку. Он сейчас лежит там и говорит, говорит. Как радиостанция "Свобода". Но мне и самому пришлось. Так что извини. Я слегка. Нет, я порядочно, но я контролирую. Художник должен быть один!.. Я счастлив, я верую. Спасибо тебе, Господи. Я буду ходить в храмы и молиться. Но если понадобится — только свистни. Я твой раб, я твой покорный слуга. Служить кому-то — вот высший смысл. Но художник должен быть один. Поэтому — удаляюсь.

МАРИНА. Вот смешной. Детский сад.

КОМАРОВ. Я счастлив, что с пронзенным сердцем!.. Опять стихи. Начало. А дальше?.. Дальше — тишина!.. Марина, я благодарен тебе за чувство... За чувство, которое меня — трах! На вылет! Трах!

МАРИНА. Да тише ты. Растрахался.

КОМАРОВ. Я про чувство. Мы же больше не увидимся. У меня такое чувство!.. При котором сам объект чувства и не обязателен. Он может испортить чувство. Своими недостатками. А ты для меня запечатлелась совершенной. Поэтому художник должен быть один. Такова судьба. Я ухожу и уношу своего друга. Одна лишь просьба. Прощальный поцелуй. Раз уж так.

МАРИНА. Подожди. Куда ты в таком состоянии? Автобусы только утром.

КОМАРОВ. Ничего. Мы подождем там, на дороге. Один лишь жаркий поцелуй. Пожалуйста.

МАРИНА. Ну что такое для художника один поцелуй?

КОМАРОВ. Маленькая частичка греет сильнее. Остальное дополнит воображение.

МАРИНА. А хочешь не прощальный поцелуй, а прощальную ночь?

КОМАРОВ. Ну что — ночь... Поцелуй — вот это я понимаю. Ночь — это ерунда. А в поцелуе столько недосказанности!.. В каком смысле — ночь? Ночь? Ты шутишь? Смеешься над художником. Художника обидеть легко. Ночь? Но ведь я же сильно пьян. Тебе будет неприятно.

МАРИНА. Не всю ночь. Вторую половину. Перед рассветом. Когда ты выспишься. Знаешь, что такое египетская ночь?

КОМАРОВ. Кажется, читал. У Пушкина, да? Но меня же там ждет Криницын. А что Криницын? Подождет. Чем дольше поспит, тем больше выскажется. А где? Как? Прямо здесь?

МАРИНА. Потом решим. Сначала вздремни. Я за это время управлюсь с делами и приду. Нужно встретиться кое с кем.

КОМАРОВ. С кем?

МАРИНА. С папашкой. Нужно отвлечь его внимание.

КОМАРОВ. Марина, у меня идея! Я вернусь в номер! Я вещи забрал, но ключ в замке. В номере лучше. Я засну там, а ты придешь.

МАРИНА. Нет, ложись здесь. Там не так романтично. *(Целует.)*

КОМАРОВ. Согласен. Женщинам верить нельзя, я знаю. Но всегда почему-то хочется верить.

МАРИНА. Из вещей есть, чем накрыться?

КОМАРОВ. Зачем? Художник должен спать один. *(Укладывается, засыпает.)*

МАРИНА идет к террасе. Находит ноутбук.

Появляется АЛЬБИНА ПАВЛОВНА, гасит свет.

На дорожке к озеру появляется чья-то фигура, зигзагами добирается до террасы. Включает свет. Это КРИНИЦЫН. После сумбурных хождений из угла в угол, берет стол, переставляет, забирается на него, но дотянуться до брусьев навеса не может. Ставит на стол табурет. Находит в буфете бельевую веревку. Забирается на стол, на табурет и крепит веревку. Спускается, находит в буфете кухонный нож. Отрезает лишнее, делает петлю. Вспоминает о чем-то, спускается, уходит.

МАРИНА взбегает на террасу, находит нож, забирается на стол, срезает петлю, прячется, вышвырнув обрезок с террасы в темноту.

Появляется КРИНИЦЫН с листком бумаги и карандашом. Сочиняет последнее послание. Ищет место, куда положить листок. Наконец взбирается на стол, на табурет, поднимает руки и застывает.

Выходит МАРИНА, берет листок.

МАРИНА *(читает)*. Позвольте и мне выйти из себя. Никто ни в чем не виноват. *(Пауза.)* А почему именно здесь? В лесу было бы удобней.

КРИНИЦЫН. Там очень темно.

МАРИНА. Зря я срезала петлю. Надо было досмотреть до конца. Ведь ты бы не сделал этого. Не верю. Игра, поза, эпатаж.

КРИНИЦЫН. Вся жизнь театр, извини за банальность. А теперь даже иначе. Вся жизнь — магазин. Мне надоело быть товаром. Тебе не понять. *(Находит остатки веревки, прячет в карман.)*

МАРИНА. Ну почему же? Ты куда? Это не выход!

КРИНИЦЫН. Хочется увидеть мир иной. Ты права. Здесь слишком театрально. Вдруг появится твой папа. А там его отсутствие будет подчеркивать значимость его существования.

МАРИНА. В чем ты его обвиняешь? В чем? В своих неудачах?

КРИНИЦЫН. Неудачах? Каких? Зарабатывать есть где. Ну, бросила меня жена. Не я первый, не я последний. Было бы из-за кого. Обыкновенная мешаночка. Мне за себя стыдно. Кого я любил три года назад! У меня нет любимого дела, приносящего пользу. Понимаешь? Да что тебе объяснять.

МАРИНА. Ты жалуешься на судьбу? Так уж вышло. Мы живем на родине бедствий и катастроф. Которая протрубила окно в Европу.

КРИНИЦЫН. Я вообще ничего не хочу. Ни в одной из существующих упаковок. У японских буддистов, например, такой поступок не считается грехом. А считается избавлением от собственной несовершенной души. Значит, я плох, несовершенен, если ничего не понимаю в происходящем. Но я не хочу смиряться, как все окружающие. Я не принимаю современное устройство. Я хочу родиться в другое время. Когда люди и отношения станут другими. А сейчас я не понимаю своей необходимости. Значимости. Я не вижу ее.

МАРИНА. Значимости?.. Мы хотим видеть свой знак. Да, верно... Знаешь, у меня по-другому. Потому что вообще нет смысла.

КРИНИЦЫН. Ты что, тоже? Пыталась?

МАРИНА. Помешали. Мама решила навестить меня в самое неподходящее время. Мы давно живем по отдельности. Я все рассчитала. Съела ударных таблеток. А она вдруг приехала. Интуиция сработала. И я стала мнительной. Повторять, или не стоит? Это был рок? Мне указали свыше, что я могу, но не надо. У тебя нет ощущения, что здесь с нами постоянно кто-то разговаривает?

КРИНИЦЫН. Кто?

МАРИНА. Озеро. Ты не знаешь, случайно, что такое бином? Это слово появилось как-то у меня на мониторе. В каком-то тексте. Я его сразу выделила. Я программы составляю по психологическому тестированию. И вдруг бином. Термин из математики.

КРИНИЦЫН. Я когда-то неплохо рубил в математике. Пока не потерялся в ее беспредельности. Бином — это сумма двух самостоятельных величин.

МАРИНА. Такая формулировка мне известна. Я думала, что есть другое значение. Знак!.. Мы хотим увидеть свой знак, вот! Спасибо за подсказку.

КРИНИЦЫН. У тебя тараканы нестандартные. Я на это сразу обратил внимание.

МАРИНА. Давай убежим отсюда? Прямо сейчас.

КРИНИЦЫН. Куда?

МАРИНА. Да не куда, а вообще. Из реальности, где мы порознь, мы перейдем в другую реальность. Где должны быть вместе. Хочешь, я принесу твои вещи? Твоя сумка черного цвета. Правильно? Только не зеленая.

КРИНИЦЫН. Ты сегодня ничего не пила? Кислоты не глотала? Для того, чтобы идти со мной... Нужно большое мужество.

МАРИНА. С наркотиками я завязала в прошлом году. А пить мне вообще нельзя. Мне становится плохо, а потом жутко. А ты когда пьешь, тебе легче?

КРИНИЦЫН. Пьяный лучше трезвенника. Ну, если ты не шутишь... Тогда... Тогда придется ответить на несколько вопросов. У меня строго. Сначала анкета.

МАРИНА. Тоже проводишь анкетирование? Ура! Ну, давай, давай, спрашивай.

КРИНИЦЫН. Твоя любимая поговорка?

МАРИНА. Что посмеешь, то и пожмешь.

КРИНИЦЫН. Хэ!.. Твое любимое занятие?

МАРИНА. Люблю поливать булыжники в саду камней. Ну, полетели? Ты возьмешь мои сомнения, а я заберу твою тоску.

КРИНИЦЫН. Она у меня не материализуется.

МАРИНА. Ничего. Я сумею перевести ее на файл моего бэби. *(Запела.)* Лайф из лайф!.. Ла-ла-ла-ла-ла-ла!..

На террасу выходит БАРИНОВ.

БАРИНОВ. Чем это вы здесь занимаетесь?

КРИНИЦЫН. Сидим... Никого ни в чем не подозреваем.

МАРИНА. Папа, мы уезжаем. С Геной.

БАРИНОВ. С каким еще Геной?

МАРИНА. Вот с этим. Надоело отдыхать. Да и ты чувствуешь себя скованно. Тебе хочется сблизиться с Натальей, но ты стесняешься меня. Только не волнуйся. Мне сейчас очень хорошо.

БАРИНОВ. Это полночный розыгрыш?

МАРИНА. Если тебе стало веселее, я только рада.

БАРИНОВ. Да, мне стало очень весело!.. Вы... Вы... Объясни, пожалуйста!

МАРИНА. Мы нашли друг друга.

БАРИНОВ. Что?! Где это вы нашли? Ты с ума сошла, Марина! Что значит — нашли? Я же тебя предупреждал. Только не это. Перед тобой было три вполне достойных человека. А ты что выбрала?

КРИНИЦЫН. Ну ладно, профессор.

БАРИНОВ. Что значит — ладно? Что тебе от нее надо? Ведь ты же назло мне. Сознайся, ну. Ты делаешь это назло мне. У него протест, ненависть к нам. Мы устроили свою жизнь, а ему не удалось. Мы живем состоятельной жизнью, а он проходимец. Вот и все! Ты что, не понимаешь, Марина? Элементарщины не видишь? Где твоя проницательность, которой ты так гордишься? Я все понимаю — ха-ха!.. Да ни черта ты не понимаешь!.. Твой компьютер умнее тебя в сотни раз. Спроси у него. Он что, сказал, что у него к тебе возникло чувство? Нет у него к тебе никакого чувства. Нету! Разве не так? Сознайся, ну.

КРИНИЦЫН. Да, нету.

МАРИНА. Ты отказываешься?

КРИНИЦЫН. Твой отец вне себя. Я не хочу его злить. Объясни ему, что это твое предложение.

МАРИНА. Отказываешься, да?

КРИНИЦЫН. Да не отказываюсь я! Он требует правдивого ответа, и ты требуешь правдивого ответа. В такой ситуации тяжело соврать. Я тоже не понимаю, за что ты меня выбрала.

БАРИНОВ. Как, Марина... Ты его выбрала? Сама? Я не понимаю!

На дорожке к озеру появляются ОЛЬХОВСКИЙ и НАТАЛИ.

НАТАЛИ *(хватает Криницына за рукав)*. Пойдем!.. Пойдем туда, вниз, я тебе там все объясню. Ты прав, папа, я спрошу у него.

БАРИНОВ. У кого? Марина, ну ты можешь мне хоть что-нибудь объяснить?

МАРИНА. Папа, ты сейчас не поймешь. *(Криницыну.)* Пошли, пошли.

КРИНИЦЫН *(спускаясь по лестнице, Наталье)*. Все отлично?

НАТАЛИ. Уже немножко много всего. Мы заблудились. Кто зажег свет? Кому сказать спасибо?

КРИНИЦЫН. Мне!

МАРИНА уводит КРИНИЦЫНА в затемненное место, где остался ее ноутбук.

Там между ними происходит объяснение.

ОЛЬХОВСКИЙ *(поднявшись на террасу)*. Что-то случилось? Что здесь произошло, Александр Прокофьевич?

БАРИНОВ. У вас коленки испачканы. *(Поглядывает на ушедших.)*

ОЛЬХОВСКИЙ. Я выронил ключ от номера. Искал его в темноте.

БАРИНОВ. Вы там, в лесу, в темноте, доставали из кармана ключ? Зачем? Чтобы открыть дверь куда?

НАТАЛИ. В другие миры.

ОЛЬХОВСКИЙ *(смотрит туда же, куда и Баринов)*. Все понятно.

БАРИНОВ. Что вам понятно?

ОЛЬХОВСКИЙ. Она выбрала его. Ваш эксперимент не удался.

БАРИНОВ. С чего это вы взяли? Ничего она не выбрала! Не выдумывайте.

ОЛЬХОВСКИЙ. Что-либо выдумывать теперь бессмысленно. Достаточно, спасибо, я уезжаю. Странно, Александр Прокофьевич. Я удивлен не меньше вашего. Здесь должно было произойти не это. Должна была иметь место попытка суицида.

БАРИНОВ. У кого? У нее? Она сейчас что-то подобное и делает.

ОЛЬХОВСКИЙ. Да нет, не у нее.

БАРИНОВ. Я не понимаю вас, Олег Олегович. Вы можете сейчас, вот прямо сейчас, хоть как-то повлиять на Марину? Помогите! Помогите спасти дочь.

ОЛЬХОВСКИЙ. Не могу. Потому что сейчас она сама спасает. И это является спасением для нее.

БАРИНОВ. Кого спасает? Этого пьяницу? Да его убить мало.

ОЛЬХОВСКИЙ. Марина сейчас находит точку опоры. Знаки сложились в формулу.

БАРИНОВ. Какую точку опоры? Что вы несете? Она летит в омут!

ОЛЬХОВСКИЙ. Она выбрала, к сожалению не меня. Я уезжаю. Прямо сейчас.

ОЛЬХОВСКИЙ уходит.

БАРИНОВ. Вы уезжаете с ним, Наташа?

НАТАЛИ. С кем? С Ольховским? Если я прогулялась с ним по лесу, то это не повод с ним же и разъезжать. Когда мы рыскали в темноте, он проклинал меня на чем свет стоит. Никогда так не смеялась. Ну и астролог. Александр Прокофьевич, вы с первого дня хотите что-то сказать мне... Или предложить, не знаю... И всё никак не решаетесь. Сейчас я готова выслушать.

БАРИНОВ. Что предложить? Сейчас мне не до предложений.

НАТАЛИ. У вашей дочери все нормально. Это видно по ее лицу.

БАРИНОВ. Надо видеть перспективу.

На террасу поднимается КРИНИЦЫН.

МАРИНА идет в беседку.

КРИНИЦЫН. Все, профессор, я буду служить вашей дочери.

Со стороны озера доносится всплеск.

БАРИНОВ спешит за МАРИНОЙ.

КОМАРОВ (*просыпаясь в беседке*). О, Марина!.. Наконец-то. А я сплю, и жду тебя, жду.

НАТАЛИ. Эта сумка не твоя?

КОМАРОВ. Зачем тебе сумка? Ложись, а то с веранды увидят. Эта сумка Криницына.

На террасу выходит ЕРНИЧЕВ.

ЕРНИЧЕВ. Ну, как, нагулялась?

НАТАЛИ. Тебя не касается.

ЕРНИЧЕВ. А что такое происходит? Где Марина?

КРИНИЦЫН. Сейчас придет. Она пошла за моей сумкой.

БАРИНОВ. Марина, стой!.. Ну что за прихоть? Что он тебе сказал? Как он тебя уговорил? Причем, я же видел, что ты его уговаривала. Почему?

МАРИНА. Теперь мне не будет скучно. Иначе — зачем? Нам советуют жить и наслаждаться. Это вранье.

КРИНИЦЫН (*с террасы*). Ну скоро ты там?

МАРИНА. Иду, милый, иду!

БАРИНОВ. Он позволяет себе так с тобой разговаривать? Марина, что ты делаешь? Я всегда боролся с хамством. А он самый натуральный. Он же мой враг!

КРИНИЦЫН. Ерунда, профессор! Вражда крепче дружбы!

МАРИНА (*поднявшись на террасу, отдает сумку*). Держи. Мы с Геной сейчас уезжаем. Прямо сейчас. (*Уходит.*)

НАТАЛИ (*Ерничеву*). Вот так-то, мой маленький.

ЕРНИЧЕВ. Уезжает с тобой? С тобой?

На террасу поднимается КОМАРОВ.

КОМАРОВ (*держит в руках срезанную петлю*). А что здесь было? Ты опять хотел? Опять? А обо мне ты подумал? Что я бы сказал твоей матери? Какой же ты урод!.. (*Замахивается. Швыряет веревку об пол.*)

КРИНИЦЫН. Бей. Я сейчас уезжаю, Комар. С Мариной. Это будет лучшим подарком для моей матушки.

КОМАРОВ. С Мариной? А меня оставляете здесь? Молодцы.

НАТАЛИ. Ребятки, а не поехать ли нам всем вместе? По дороге отметим это дело.

КРИНИЦЫН. Отличная идея.

МАРИНА *(выходя с рюкзачком за плечами)*. Пап, остальные вещи привезешь на машине, ладно?

НАТАЛИ быстро уходит. За ней ЕРНИЧЕВ.

БАРИНОВ *(подняв веревку)*. Ты выбрала его потому... Потому что он тоже пытался?

МАРИНА *(с досадой)*. Да!.. Он чуть было не сделал это из-за меня. Потому что его Ольховский заколдовал.

КРИНИЦЫН. Не примешивай сюда никакой бесовщины.

МАРИНА. Ты не веришь в мистику, и очень хорошо. А я верю. У такого озера, как здесь, всякое могло случиться. И случилось. Передай Ольховскому, папа, что у него не вышло. Я не позволила. Я спасла Гену.

Появляется АЛЬБИНА ПАВЛОВНА.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Опять заседание? У вас, случайно, не подпольная организация?

БАРИНОВ. Отдыхающие решили покинуть пансионат досрочно.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Не понравилось?

МАРИНА. Что вы, Альбина Павловна, здесь чудесно. Такое озеро. Птички поют. Но — уввы. Тянет в дорогу.

БАРИНОВ. Помнишь, Аля, была такая песня. *(Напевает.)* Ничего не поделаешь, ничего не поделаешь, ничего не поделаешь, тянет в дорогу... Мда, была такая песня.

Выходят с вещами НАТАЛИ и ЕРНИЧЕВ.

ЕРНИЧЕВ. Натали!..

НАТАЛИ. Заткнись!.. Как ты меня достал.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Вы что, не можете потерпеть один день? На завтра торжественный ужин заказан. Я продуктов накупила, питья всякого. Вы чего? Я никого не отпускаю. *(Пауза.)* Ну куда вы сейчас потащитесь? До остановки дойдете быстро, а потом? Первый автобус в шесть часов. Ну, давайте сейчас устроим прощальный ужин. Прямо сейчас. А, Прокофьевич? Ну скажи ты им. Я все принесу. Наташка поможет. Иди сюда. *(Отводит НАТАЛИ в сторону.)* Ты не сделала того, о чем я просила? Не сделала ради меня? Спасибо.

НАТАЛИ. Нет. Я все делала назло Ерничеву. Потому что люблю эту сволочь. Каждый по-своему несет свой крест... До свидания. Я тебе обязательно позвоню. Куплю путевку и приеду.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Без путевки приезжай. *(Обнимает Наталью.)*

ЕРНИЧЕВ *(подойдя)*. Спасибо вам, добрейшая из женщин. Вы — святой человек. Уходить нам нужно сейчас. На рассвете от этого озера будет не уйти.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Ну, придете на остановку, и что дальше будете делать?

ЕРНИЧЕВ. Дальше? Приеду домой — куплю новые тапочки.

МАРИНА. Папа, не волнуйся. Я буду сидеть дома. Мы пока будем жить порознь. Пока ты не привыкнешь. *(Креницыну.)* Уходим!..

КОМАРОВ. Альбина Павловна, спасибо вам большое. Для меня здесь такое открылось, такое!.. Я вчера вечером искупался и меня вдруг как!... Как просветление... Люби и твори. И все. И все!

КРИНИЦЫН. Догоняй, тень отца Гамлета!

*МАРИНА, КРИНИЦЫН, НАТАЛИ, ЕРНИЧЕВ и КОМАРОВ
спускаются по лестнице справа и уходят.*

БАРИНОВ. Смешно, но получилось так, как изначально хотела ты. Ты же хотела, чтобы я приехал один.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Да, чтобы отметить юбилей нашего знакомства. Двадцать пять лет!..

Появляется ОЛЬХОВСКИЙ с чемоданом.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. И вы тоже? Остальные уже ушли.

ОЛЬХОВСКИЙ. Вот как?

БАРИНОВ. Да. Массовый исход. Вы такого не предсказывали.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Вы на машине, догоните, они по дороге пойдут, захватите их. Вместе будет веселей.

ОЛЬХОВСКИЙ. Спасибо. Я как-нибудь один. Благодарю за прием.

(Спускается по лестнице слева.)

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Не заблудитесь.

БАРИНОВ. Этот выйдет по звездам.

ОЛЬХОВСКИЙ *(обернувшись)*. А вам помогут ваши цитаты.

ОЛЬХОВСКИЙ уходит.

БАРИНОВ. Цитаты! У самого тоже ничего не получилось!

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. У кого? *(Незаметно уходит.)*

БАРИНОВ. У этого хироманта-гипнотизера. Он прогнозировал одно, а вышло другое. Теперь шипит на меня как удав. Я-то хотел как лучше!.. Я виноват перед тобой, Альбина, прости. Но я же ради дочери старался. Сердце за нее болит. Она же у меня одна. Больше никого во всем целом свете. *(Прохаживается, пинает стулья.)* Решаешь вроде бы логически. Жизнь дает другие ответы. Значит?.. Логический взгляд — поверхностный взгляд? Целенаправленно ведешь поиск смысла, а он вдруг всплывает совершенно в другом месте. Получается, что смысла можно ощутить лишь тогда, когда поступаешь вопреки разумению. Так, что ли?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА выходит, сменив наряд, в руках корзина с яствами и напитками.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Мы сейчас попробуем вернуться туда.

БАРИНОВ. Куда?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. В наше прошлое. Куда нет дороги.

БАРИНОВ. Альбина, ты колдунья?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Этого хочет наше озеро. *(Отдает ему корзину, достает из буфета магнитофон.)* Пошли.

БАРИНОВ. Я очень виноват перед тобой, конечно. Я устроил всю эту авантюру для дочери. У меня вышла книженция, я получил гонорар...

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Хоть бы подарил мне эту свою книженцию.

БАРИНОВ. Да она тебе не понравится. Получил гонорар и решил прокутить его с пользой. Ты пошла навстречу. Но тут... Но тут... Я хотел, чтобы она пережила тут хоть какое-то увлечение... А захватило вдруг самого. Как тогда.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Ну, ты мог уделить мне с самого начала хоть чуточку внимания? Мог? В самый первый вечер по приезду? А потом бы ухаживал за этой Наташкой. Я же все понимаю.

БАРИНОВ. Мог. И хотел. Я думал, что все вечера проведу с тобой.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. А что начал творить? Альбина Пална, Альбина Пална!.. Ну не обидно мне?

БАРИНОВ. Да, мог. Но когда меня зацепило, уже не мог. Потому что зацепило с первого взгляда. Как тогда. Чертово озеро. А, ладно. Теперь-то что об этом? Теперь душа болит о другом. Я не могу понять свою дочь. Я вообще ее не понимаю. Согласись, мы были другими. Нам все было в радость. Мы знали, что лучшее впереди. Тогда был энтузиазм. Как религия. Мы любили как-то бескорыстно. А сейчас... Мне страшно за нее.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Нашим детям передалось от нас по наследству наше нервное перенапряжение. *(Расставляет на перилах беседки напитки и закуски. Наливает в два фужера коньяк.)*

БАРИНОВ. Как ты жила все это время?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Не знаю. Жила. Выйду к озеру, постою, послушаю, вот и помолилась.

БАРИНОВ. Да, таким, как ты, церковь не нужна.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Соловей!.. Слышишь? Как тогда. Вот спасибо... Знаешь, когда поют соловьи? Когда самочки садятся в гнезда. А самцы поют, чтобы детки появились на свет хорошенькими. Еще лучше.

БАРИНОВ. Сама придумала?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА *(чокаясь с его фужером)*. Здравствуй, Саня.

БАРИНОВ. Здравствуй, моя милая. *(Выпивает. Вздрагивает от зазвучавшей из магнитофона музыки.)* Что это?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Наша музыка. Забыл? Да сбрось ты эти мысли!.. Сейчас — только наше прошлое. Ну о чем, о чем ты думаешь?

БАРИНОВ. Никак не могу понять... Это она его уговаривала. Она!.. Она ему что-то объясняла... А он лишь согласился... Почему?..

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА *(ведет его танцевать, гладит по склоненной голове)*. Ну все, все, все... Все уже случилось.

Перемена света.

КАРТИНА ИЗ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

МАРИНА *(хватает Криницына за рукав)*. Пойдем!.. Пойдем туда, вниз, я тебе там все объясню. Мы сейчас спросим у него.

МАРИНА и КРИНИЦЫН подходят к стоящему на траве компьютеру.

МАРИНА. Я не знаю правильного ответа. Не уверена, что права. Мы сейчас проверим. Я пыталась свести воедино несколько программ психологического тестирования. У меня возникла идея. Здесь возникла.

Когда мы приехали, и я поняла, что папа постарался, подогнал для меня несколько женихов. Идея такая. Этот электронный мозг, просчитав и суммировав данные изучаемого объекта, выдает результат не в баллах, не в поясняющих категориях, а выводит знак. Шифроглиф. Поясняющая информация неточна. Слова давно стали расплывчатыми, потеряли свою точность, сделались двусмысленными, трех и так далее, в сочетании с другими дополнениями. А контур лица, отпечаток пальца, ступни, изгибы уха, негатив черепа или грудной клетки — индивидуальны. Соединив несколько программ, я информацию по ним грузю в преобразовательную программу и мой гениальный "бэби" выводит шифроглиф. Твой графический знак, с которым ты носишься в информационном поле Земли. Так вот, мне кажется, что если знак одного человека совпадает по общему контуру со знаком другого... Хотя бы по одной линии... То этим людям просто свыше дано быть вместе. Понимаешь?

КРИНИЦЫН. Такой белиберды я еще не слышал.

МАРИНА. А ты вникай. Как ты думаешь, я и твой друг подходим друг другу? Мы с Николаем совместимы?

КРИНИЦЫН. Комар хороший парень. Но ты будешь возиться с ним, как с ребенком. Хотя он старше тебя.

МАРИНА. Вот, смотри. Это его знак.

КРИНИЦЫН. Это Комар? Надо же. Я его недооценивал.

МАРИНА. Что ты думаешь об Ольховском? Про астролога что скажешь?

КРИНИЦЫН. Сильный мужик. Подчиняющийся. Но двусмысленный. Есть в нем что-то лживое.

МАРИНА. Вот его шифрознак. А что ты скажешь про Ерничева?

КОМАРОВ. Этому простить можно все. Талантлив. С ним бы ты не соскучилась.

МАРИНА. Вот... Видишь? Все три знака совершенно различны. А теперь попробуем обозначить тебя... Ты у меня неполный. Я тебя рисовала. Записала ответы на вопросы, оригинальные фразы. Вот, смотри. Узнаешь? А сейчас попробуем вывести мой шифроглиф. Жаль, я не смогла сама себя нарисовать.

КРИНИЦЫН. Давай, это сделаю я.

МАРИНА. Ты умеешь?

КРИНИЦЫН. Не так давно я всерьез разрабатывал проект памятника народному терпению. *(Рисует.)*

МАРИНА. Разве это я?

КРИНИЦЫН. Со стороны видней.

МАРИНА. Это не я!

КРИНИЦЫН. Не спорь.

МАРИНА. Ну ладно. Переведем эту обезьяну на другой уровень... Сложим с другими составляющими... Включаем преобразование... На тех товарищей уже было готово, а на себя делаю только сейчас... Почему-то боюсь... Если мой знак будет отличаться от всех четырех знаков, мне придется продолжить поиск. С тобой мы останемся друзьями.

КРИНИЦЫН. Бедные женщины. До чего дошли.

МАРИНА. Если два шифроглифа принадлежат одному полю, то только эти двое могут вместе творить. Делать положительное будущее. Только от них будут рождаться дети с созидательным генетическим кодом.

КРИНИЦЫН. А как же любовь?

МАРИНА. Любовь появится. Сначала привыкание, потом...

КРИНИЦЫН. А любовь с первого взгляда? Ты о ней забываешь.

МАРИНА. Я только на нее и надеюсь. Способность почувствовать человека своего знака на расстоянии. Такой способностью человек отличается от этой машины. Ну, давай же! Долго ты будешь думать? *(Подпрыгивает.)* Смотри, смотри!.. Видишь? В этом месте точно такая же линия! Ура! Как я боялась, что ошибусь! Ну, что скажешь? Теперь ты понимаешь, что нам суждено быть вместе? И я это почувствовала до! До этой проверки. Там, когда ты стоял на столе. Ну что? Теперь ты не откажешься от меня? Сколько бы я ни объясняла словами, ты бы не поверил. Так ведь?

КРИНИЦЫН *(обалдело)*. А теперь верю...

МАРИНА. Близкого человека нужно открыть, как религию. А не как источник наслаждений. У источника насладился и пошел дальше. А служение предполагает жертвенность, терпение. И совместные праздники. Если мы с тобой одного поля, то поиск смысла будет нам интересен только вдвоем. Порознь — бессмысленно.

КРИНИЦЫН. Потому что найти все равно ничего не удастся. Ты очень много болтаешь. Сама же говорила, что недосказанность ценнее.

МАРИНА *(поцеловав его)*. Учти, у меня колкий характер.

КРИНИЦЫН. У меня тоже не крем-брюле. Ну, что я теперь должен сделать?

МАРИНА. Иди. А я принесу твою сумку.

КРИНИЦЫН. Будет и на нашей улице гильотина!.. *(Поднимается на террасу.)* Все, профессор. Я буду служить вашей дочери.

Перемена света.

БАРИНОВ. Почему он так сказал?

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Кто?

БАРИНОВ. Да я о детях. Им бы жить да радоваться, а они страдают, мучаются. Вытворяют, черт знает что.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Им передалось по наследству наше нервное перенапряжение. Мой сынок, например. Учиться не хочет, работать не хочет, в армию идти не хочет. Ну что это за мужик? Начал принимать всякую гадость. Зачем такой на свет появился? Это мой грех.

БАРИНОВ. Не вини себя. У наших детей свое право на неверный путь. Люди обречены ошибаться. Это - усмешка вечности над нами. Которая во всем права. *(Раздается громкий всплеск.)* Ничего себе — рыба плеснулась! Это озеро подает нам знак.

АЛЬБИНА ПАВЛОВНА. Это русалка. Или водяной.

БАРИНОВ. Это чьи-то слова канули в лету.

Занавес.

октябрь-декабрь 1998 г.
Санкт-Петербург.

